

Олег Погасий

Чужой сон

Повести и рассказы

Олег Погасий

Чужой сон. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Погасий О.

Чужой сон. Повести и рассказы / О. Погасий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832070-5

Повесть «Чужой сон» написана в стилистике магического реализма. Главный герой Кирилл Воронин, поэт, захвачен идеей поэмы, в которой космические вибрации завязаны с ритмами сегодняшнего дня. Когда поэма почти написана, случается непредвиденное... Личность Воронина начинает распадаться; и он погружается в странную реальность, им самим созданную. Монстры, порожденные его сознанием, преследуют его. Действие происходит, как бы в двух реальностях. В повести параллельно сюжету исследуется душа поэта.

ISBN 978-5-44-832070-5

© Погасий О.
© Издательские решения

Содержание

Повести	6
Чужой сон	6
1	6
2	7
3	9
4	12
5	14
6	17
7	20
8	22
9	25
10	27
11	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чужой сон

Повести и рассказы

Олег Погасий

© Олег Погасий, 2017

ISBN 978-5-4483-2070-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Чужой сон

1

Кирилл скользнул взглядом по двум полицейским, подпирающим трубочатые перила ограждений у самого входа в павильон метро, и прибавил шагу. Но краем глаза заметил, как один, который пониже, всё же лениво оттолкнулся от ограды, вытертой до блеска спинами и ладонями законопослушных граждан и гражданок, и направился к нему наперерез. «Не избежать проверки. Опять попался, – злился на себя Кирилл, нервно прощупывая паспорт в нагрудном кармане куртки – и какая дурацкая привычка смотреть на них! Будто сам напрашиваюсь». Медленно разжимая ладонь, и прикладывая пальцы к виску, чтобы потом резко, как ошпаренные, их отдернуть, полицейский с улыбочкой, растягивая слова, начал прикапываться: «Здра-а-вствуйте, документики можно, куда е-е-дем?». Кирилл выудил паспорт из кармана и молча протянул.

«Та-а-к, Кирилл Воронин, где проживаем?» – не глядя на Кирилла, полицейский повертел в руках раскрытый паспорт, а затем вытащил из футляра на ремне портативный прибор, выкрутил окуляр и, скрючив физиономию, приложился к нему глазом. «Там же ясно всё указано» – сирым то ли от волнения, то ли от раздражения голосом буркнул Кирилл. «Так где проживаем?» – не унимался полицейский. Но Кирилл уже почти успокоился. Оглядев с ног до головы служителя правопорядка, Кирилл ухватил интересный образ, его торкнуло оригинальное сравнение: его документ тщательно изучает рыба-телескоп, которая мутировала до чудовищных размеров, превратившись в полицейского.

«Промышленная улица, дом 12...»

«Мочите?» – перебила Кирилла неожиданным вопросом «рыба-мутант».

«Что «мочите?» – растерялся Кирилл.

«Паспорт мочите?» – не унимался оборотень в погонах.

«Дожди, наверное, мочат» – нашелся Кирилл, сообразив, что речь, скорее всего, идет о какой-то манипуляции с подделкой документов. «Дожди, – говорите» – нехорошо улыбнулся полицейский и, небрежно покачивая паспорт на двух пальцах, вернул документ с двуглавым орлом, золотящимся на корочке томатного цвета. Медленно повернулся, и побрел назад.

Стоя на ступеньках эскалатора, Кирилл Воронин плыл вниз. Обдуваемый волной метрового тепла, он всё еще переживал случившееся наверху, но в его настроении наступил перелом. От обороны он переходил в наступление, трансформируя негативные эмоции в позитивный поток, уже понемногу завладевающий им. Проступили даже торжествующие нотки. «А каково было бы нашему Пушкину, с эфиопскими-то корнями, – приглаживал он рукой свои темные волнистые волосы – это потом – «Солнце русской поэзии. Наше – всё». А сейчас – «Где проживаете, и куда едем?». «И вечно они что-то хотят найти у меня. Всматриваются. И ищут-то всё не то. А что истинное есть во мне – не видят. Да и не хотят видеть... – но, вспомнив оловянные глаза полицейского, нахмурился и оборвал себя – чего это я размечтался: ему до меня, как до одного места; штрафануть бы или в автозак затолкать. Вот и весь интерес на этом...». «Но ничего, скоро всё изменится» – разглядывая носки своих ботинок, Кирилл сощурился и хлопнул ладонью по резиновому поручню эскалатора, чуть-чуть убегающему вперед.

Подняв голову, Кирилл задержал взгляд на ползущей вверх, хорошо ему знакомой, скульптурной группе постсталинской эпохи труда и победы материалистического мировоззрения в отдельно взятой стране.

Под куполом ротонды высились: широкоплечий сталевар в защитном костюме, с длинной кочергой, прижатой к груди; шахтер с квадратным подбородком, держащий отбойный молоток на плече; и колхозница с пучком тяжелых пыльных колосьев, свисающих из натруженных рук почти до земли. А на заднем плане композиции проглядывался пропеллер самолета, вмурованного в грязновато-коричневую стену.

Кирилл уходил вниз. В подполье. А рабоче-крестьянский триумвират с двумя полицейскими под приглушенный шум эскалатора поднимался к самим небесам.

«Но ничего, скоро всё изменится» – поправил Кирилл Воронин завернувшуюся лямку рюкзака у шеи, и передвинул ладонь на поручне, чуть-чуть убегающем вперед.

2

Солнце припекало еще по-летнему, прогревая нутро пригородного поезда. Бросив рюкзак на полку, Кирилл сел у окна, прислонившись к теплой спинке сиденья. Народа немного. Хорошо. Можно всласть развалиться, а не сидеть, как вкопанному, перекладывая затекшие ноги. Поезд, раскачиваясь, и поскрипывая, как старый шифоньер, набирал ход. За окном мелькали серые фасады промзоны, длинные свинцовые лужи, бесконечные гаражи и бетонные заборы, разрисованные радужными угловатыми облаками, нацболовскими символами и «факами».

Кирилл зевнул и отвернулся; вяло обвел взглядом вагон, прикрыл глаза и углубился в темноту, пульсирующую привычными для него, много раз прокрученными на разные лады, рассуждениями.

Если кто-нибудь его спрашивал: «чем он по жизни занимается?», – Кирилл, многозначительно выдерживая паузу, помявшись, и помня завет классика «скрывайся и таи», слабо улыбаясь, что-то там врал, или, мягко говоря, вводил в заблуждение, – называясь то продавцом-консультантом обувного магазина, или грузчиком супермаркета, или, на худой конец, – лицензированным охранником.

Ну, во-первых, – эта идиотская постановка вопроса взрослому человеку относительно его места работы – «чем занимаешься?». Раньше спрашивали: «Где работаешь, кем работаешь?». А применительно к настоящему моменту: «Что делаешь?». Тяжелые глыбы этих слов, тогда казалось навсегда будут звучать фоном жизни. Кириллу это напоминало мраморную доску, ввинченную в фасад послевоенного ампира, с высеченными на ней датами жизни какого-нибудь видного советского деятеля науки или искусства, и с надписью, пугающей безысходностью перед временем: «Здесь жил и работал...» Это отдавало кладбищем. Но с начала девяностых лексика и синтаксис сильно изменились. Неработающие россияне перестали именоваться тунеядцами, появились «фрилансеры», а чтобы управлять крупным предприятием обязательно было иметь диплом технического вуза. Еще в детстве родители бывало найдя Кирилла, мечтательно уставившегося в трещинки на потолке или пространно наблюдающего легкое колыхание занавесок, тронутых весенним ветерком, строго опускали его на землю: «Хватит ковырять в носу, иди, займись чем-нибудь». Лет через двадцать он, наконец, последовал родительскому наказу, занявшись мелкооптовым сбытом повсеместного тогда дефицита. Вершиной его деятельности была торговля отечественной курятиной, при этом он успевал «втюхивать» еще и импортные презервативы. А один его знакомый настолько перестал «ковырять в носу», что перепробовав дюжину занятий, и вняв другому устойчивому выражению, стал «рыть землю рылом», занявшись перепродажей земельных участков.

Но это дела давно минувших дней, и в этом для Кирилла стояла лишь проблема выживания. Его ум и сердце мечтали совсем о другом. Как-то у одного известного литератора он вычитал, что назваться сейчас поэтом – будет равнозначно тому, чтобы заявить о себе: «Я – сумасшедший!».

Один раз, тоже в пригородном поезде, отвечая на такой вопрос, сидящему рядом бровастому дачнику, под настроение он выдал из себя это подозрительное слово «поэт». Это вызвало удивление, быстро переходящее в скуку. К персоне Кирилла был потерян всякий интерес. Дачник нахмурил брови, закрутил головой по сторонам, и поспешил пересесть, бросив на прощанье испуганный взгляд. А никем другим, кроме как поэтом, «по жизни» Кирилл Воронин себя и не считал.

Чуткого слуха задремавшего Кирилла коснулись заунывные звуки, правда, похожие на музыку. Воронин открыл глаза. Напротив сидел юный паренек. Его худое тело было утоплено в стильные джинсы и майку непомерных размеров. Он выдувал изо рта розовый пузырь жвачки, болтал ногами в кроссовках со светящимися шнурками, и дергал головой в такт музыке, которую слушал через айфон. «Русский рэп, этого еще не хватало, – поморщился Кирилл, расслышав плохую ритмику речевок – придется теперь слушать этот маразм». «Что же ты, дорогой мой, слушаешь, – любой темнокожий из Бронкса или Гарлема споет тебе лучше» – хотел было образумить рэппера Кирилл, но увидев стену русского леса за окнами несущегося поезда, мягко улыбнулся и решил, что, пожалуй, не стоит. Закрыл глаза и постарался использовать раздражающий фактор в качестве толчка, пружины для разгона своих амбициозных помыслов. Он почти не сомневался в успехе задуманного.

«Всё дело ведь в музыке, или в ритме. В вибрации этого бесконечного пространства. Надо только уметь слышать. Стать частью этого пространства, на какой-то миг потерять себя в его безднах, чтобы потом вознестись к его звездам» – сладострастно накручивал себя Воронин и сильнее сжимал глаза, как будто стремясь еще больше сгустить тьму, тем самым приблизив к себе. Он решительно отказывал современной поэзии в каких бы то ни было попытках отобразить эти космические вибрации. Завязать их в один узел с ритмами сегодняшнего дня. Считал её местечковой, давно потерявшей свое сакральное назначение. И потому никак не причислял себя к весьма многочисленному поэтическому цеху. Он бы определил себя – диссидентом поэзии. Катакомбной её церковью. И если и называть их поэтами, – то нет, увольте! – для себя он готов подыскать какое-нибудь другое слово. Одни всюю эксплуатировали своё филологическое образование, расширяли лексику, баловались историческими аллюзиями. Другие вводили прозаизмы и экспериментировали с размерами. Третьи «висели» сплошь и рядом на цитатах, превращая свои вирши в ребусы для непосвященных, немногочисленных читателей, но подыгрывали желчным критикам. А авторы верлибров, на взгляд Воронина, вообще окончательно выпихивали всякий дух музыки из текста. Были и последователи традиционного стихосложения. Хорошо усвоив технику, двигаясь по гладко обкатанной дороге, они добивались признания, получали премии, штампуя вполне добротные стихи. Но каких бы успехов кто бы ни добивался, а случались и превосходные стихи, и даже выпадали гениальные, это все равно ничего не меняло, – в них не было магической силы, способной творить жизнь. Иногда несколько снижая накал своих страстей, Воронин всё же допускал, что возможно кого-то упустил, не читал. Да, он бывал самонадеян, заносчив, но что с этим можно было поделать, если Воронин твердо верил, что заполнить этот бездонный вакуум призван именно он. Это убеждение преследовало его с того самого дня, когда придя из школы, он забыл выдернуть из розетки шнур радио, и после вечерних новостей, вместо концерта по заявкам, вдруг зазвучала «Весна священная» Стравинского. Кирилл был дома один. За окном расплзались сумерки. Улицы были пустынные, как в зарубежном фильме. Он так и не включил свет. Он так и просидел в оцепенении у приемника, застигнутый врасплох этой музыкой. Звуковые картины вошли в его тело, растеклись по кровеносным сосудам, стали частью его самого. Он тогда сразу получил Знание. Посвящен-

ние в Великую Тайну Ритма. Это он понял чуть позже, ночью, ворочаясь на кровати, освещенный почти осязаемым светом луны. Но нужно еще многому учиться, набираться терпения, отвоевывая у серых будней пространство того Великого Ритма, расширяя и упрочняя его в себе с каждым днем. И ждать, ждать, и ждать. Но теперь время настало.

Кирилл вздрогнул, почувствовав на себе взгляд, – и открыл глаза. Рэппер испарился, а на его месте расположилась пожилая чета. Мужчина, в брезентовом костюме лягушачьей расцветки и в спортивных тапочках фабрики «Динамо». Он беззастенчиво рассматривал Кирилла поверх очков, сдвинутых на кончик мясисто-го в рыжих волосинках носа. И его, очевидно, жена, в вязаной кофте с большими потрескавшимися пуговицами, и тоже в тапочках «Динамо». «Вася!» – шепнула она, испуганно дернув слегка подведенными глазами в сторону Кирилла. «Ну, Вася!» – зашипела она бесцветными губами и ткнула окаменевшего мужа локтем в бок. «Да!» – отозвался Вася и кланулся подозрительно ровными, белыми зубами. Поправил очки, придвинул тележку на двух колесиках поближе к себе, и склонил голову в огромный кроссворд, развернутый на коленях жены.

А Воронин, перехватив инициативу, на минуту задержал на них взгляд.

Нет, конечно же, это не его аудитория.

Этот Вася, с возрастом потерявший стыд и зубы, – какой-нибудь бывший начальник цеха, а его конфузливая благоверная – бухгалтер или старший экономист из той же конторы.

Для них поэзия в юности ограничивалась школьной программой. В молодости некоторыми стихами Есенина и Смелякова. А сейчас – двумя-тремя строфами с глагольными рифмами в поздравительных открытках с выдавленными ядовитого цвета розами или пестрыми тяжеловесными бабочками.

Воронин часто представлял себя, читающего свои магические стихи хорошо подготовленной кучке интеллектуалов.

Это могло быть в небольшом полутемном зале союза писателей или композиторов. С лепным позолоченным потолком и бархатными креслами с выгнутыми спинками и ножками. Он вводит публику в состояние транса, вещая им ту тайну, которую они тщетно пытались откопать в дебрях своего измученного рефлексией сознания. В конце чтения – ни с чем не сравнимая пауза признания, разрешающаяся взрывом восхищения.

Затем, это уже Дом Культуры, куда, заинтересованный его феноменом, стекается многочисленный и достаточно разношерстный контингент. И наконец, на сцене большого концертного зала в свете юпитеров при стечении широких масс; где, хлопая сиденьями, в числе всех прочих и васи с их женами заблаговременно рассаживаются по местам, чтобы культурно провести вечер.

Впрочем, к славе Воронин был почти равнодушен. Он жаждал другого. Он знал: кто откроет в себе Ритмы Вселенной и воплотит их в Слове – получит безграничную власть над сердцами людей; над всем миром, сотворенным этими ритмами. И сами последствия рисовались ему с каждым днем всё более фантастическими.

Воронин едва не прозевал свою остановку. Да и к тому же рюкзак с предательски зацепившейся застежкой ремешка за решетку полки.

Он спрыгнул на мокрую гальку насыпи один. Только что прошел дождик.

Туман клубился и ключьями цеплялся за верхушки высоких елей. Поезд растворился, как будто его и не было. От тишины звенело в ушах. Он закинул рюкзак за спину, вдохнул полной грудью дурманящий сырой воздух и, разглядев в траве тропинку, легко сбежал вниз.

3

Попутку Воронин поймал как только оказался на шоссе. Зеленый грузовик с крытым кузовом вынырнул из тоннеля под железнодорожной насыпью и резко тормознул.

«Залазь в фургон, – приоткрыв дверцу, скомандовал Кириллу рыжий шофер, и, постучав по задней стенке кабины, крикнул – Вовка, открой человеку!».

Дверь сопротивлялась, но, после пары увесистых ударов, распахнулась. «Не хочет, бляха-муха!» – ругнулся плечистый малый в черном комбинезоне и высунулся из фургона. «Давай, давай живее» – протянул он Кириллу волосатую руку.

В фургоне воняло бензином, маслами и, как показалось Кириллу, несвежей едой. Из двух маленьких окошек под потолком пробивался серый свет. Было полутемно. На полу валялись разводные ключи, звенья разорванной цепной передачи, и, втопанные в пол, брезентовые рукавицы. Машину бросало из стороны в стороны. В углу грохотал ящик с гайками и покачивался бидон с темно-коричневым солидолом, с воткнутой в него деревянной лопаткой. Кирилл почувствовал привкус, как будто он только что попытался подсосать ртом насос и глотнул бензина. Его замутило.

«Да ты не бойся, садись, – хлопнул ладонью по ящику, поставленному на попу, Вовка – до озера успеем разок перекинуться».

Кирилл справился с приступом тошноты, икнул и безвольно присел на ящик.

Напротив, тоже на ящиках, широко расставив ноги, удерживая равновесие, сидели Вовка и еще один. В таком же комбинезоне, наголо бритый, с крепкой шеей, удивительно похожий на Брюса Уиллиса, только с испачканными сажей щеками и лысиной. Вовка был тоже хорош. Кирилл видел в детстве на обложках журналов фотографии таких счастливых нефтяников у буровой скважины, вымазывающих свои лица фонтанирующим черным золотом. Между ними стояла перевернутая пустая железная бочка, покрытая газетой с жирными пятнами и яичной скорлупой. Посередке лежала засаленная колода карт.

Увидев, что Кирилл удивленно смотрит на его товарища, Вовка усмехнулся и кивнул на лысого: «Вылитый этот... американский актер, крутой такой, всегда, ёп твою, мочит всех, – как его?».

«Брюс Уиллис» – натужно улыбнулся Кирилл. «Брюс Уиллис» – невозмутимо пробасил бритый.

«Точно... он самый» – не решился произнести имя актера Вовка.

Карты метал Вовка. Брюс Уиллис стряхивал с газеты прилипшую скорлупу. Кирилл прислушивался к себе: как там – не лучше ли стало?

Кириллу выпали пять пик и один червовый валет, козырной.

Он развернул карты веером в левой руке и перетасовал их, оставив в конце красное сердечко. Если отвлечься от игры, то россыпи пик ничего хорошего не сулили. Кирилл помрачнел. Но был еще козырной валет, как рубиновый сигнал светофора в беспросветной ночи пикей. «И эти чумазые – Кирилл поднял глаза на Вовку и Брюса Уиллиса – той же масти – пики!».

Дальше Кирилл приравнивал их уже к чертям. А этот вонючий гроыхающий фургон – к рейсовому транспорту по доставке грешников в ад.

«Бей, чё задумался!» – весело рявкнул Вовка, и, не заметив реакции Кирилла, сунул два мизинца в уголки рта и резко свистнул. Кирилл в дураках не остался.

«Вот сука!» – хлопал, не лезущей в проем, дверью Вовка. «Не хочет за тобой закрываться!» – кричал он в спину Кириллу. Но Кириллу было нехорошо в груди, ноги подкашивались от слабости, и он, не оборачиваясь, семенил к озеру.

«Что-то хлипкий стал, на такое замахиваюсь, а тут за десять минут так уболтало, хоть ложись и умирай» – расписывался он в своей немощи, черпая ладошками воду из озера, ополаскивая лицо.

«Черти, натуральные черти, и ничего им там, даже в масть».

Машина газовала, но с места не трогалась. Высунулся и Брюс Уиллис, покрутил головой и, увидев Кирилла, стал что-то живо втолковывать Вовке, тыча указательным пальцем на присевшего у озера Кирилла. Вовка одобрительно закивал в ответ и, заметив, что Кирилл смотрит

на них, замахал руками, подзывая к себе. «Высмотрели – пригнул голову Кирилл и внутренне съежился – и чего они задумали?». «Сейчас как выгнут хвосты колесом, несколько уменьшатся, спрыгнут и поскачут к нему!» – и сам испугался такой своей смелой фантазии. Но машина рванула, и Вовка с Брюсом Уиллисом опрокинулись в темноту фургона.

Кирилл дождался, когда стихнет мотор, подтянул лямки рюкзака, встряхнул его, забросил за спину и быстро зашагал в сторону леса.

«Главное добраться засветло» – прибавлял он шагу, поглядывая на летящее в лиловых тучах солнце. Погода налаживалась. Дождик перестал моросить. И Кирилл постепенно обретал радость бытия, даже избыточную, компенсируя тем самым свою недавнюю слабость.

«Умотали так умотали!» – посмеивался он, ловко, как ниндзя, прыгая по болотистым кочкам, сплёвывая въедливую мошкарку. «Выполз оттуда чуть тепленьким» – поддразнивал себя, лихо, как десантник на полосе препятствия, проходя буреломы, выдирая рюкзак из цепких лап густого ельника.

Кирилл все-таки выиграл гонку со временем и, когда красное солнце было уже наполовину съедено чернеющими на далеких холмах елями, вышел на огромное поле нескошенных трав, окруженное высоченным лесом.

Он скинул рюкзак и сел рядом на влажную траву. «Здесь всё так же» – вздохнул он с облегчением, снял с брючины налипший репейник, и вздохнул еще раз.

«Никого. И только ветер шелестит в листьях деревьев, да разгоняет волны трав».

На эту брошенную, еще со времен советских пятилеток, деревню он набрел случайно, решив однажды срезать дорогу от озера к электричке. Молодая жизнь отсюда давно разбрелась по районным центрам и городам, а старики и того дальше – по невидимым странам своих успокоенных душ. Воронина притягивало это место, и он время от времени навещался туда.

Годы перестройки не принесли ничего нового. Дома разрушались, зарастали травой. Хотя, на одной берестяной крыше затрепетало листочками молоденькое хилое деревце. Суетливые девяностые обошли стороной. Из десятка изб, остались две. Сгорбленные, с покосившимися углами. Остальные сравнялись с землей. Воронин как-то заночевал в одной избе. Луна через окошко заливала зеленоватым светом половину комнаты, располовинив и его тело. Воронин будто пребывал в двойственном состоянии. С одной стороны – до пояса он был во плоти, но его верхняя часть – растворяясь в лунном свете, теряла материальную основу. И он тогда внезапно вспомнил ту ночь, ночь посвящения в Тайну Ритма! Ощутил свое могущество, неземное вдохновение! Вскочил, и его призрачная рука потянулась к пластмассовой ручке на столе. Он схватил первый попавшийся под руку клочок бумаги и вдавил в него шарик ручки, но... время еще тогда не пришло. Он так и не смог разобрать, что это могла быть за первая буква, первый звук Великой Тайны, но понял, что, наконец, нашел место на земле откуда для него открыто общение с Космосом.

Кирилл Воронин встал, закинул за плечо рюкзак, и направился к темному дому. Осторожно ступая по скрипучим половицам, проверяя их на прочность, он прошел в дальнюю комнату с печью. Высыпал из рюкзака на стол продукты на неделю, тетрадь с ручкой и упаковку свечек. Сел на стул и глянул в окно. За год пейзаж не претерпел никаких изменений. Всё те же поля, окаймленные лесом, и столбы с проводами, похожие на поднышающую в атаку белогвардейскую цепь, да так и оставшуюся в сознании, сраженного в тот миг пульей, обороняющего деревню красноармейца навечно, ну хотя бы еще на один год.

Последний столб, с щупальцами оборванных проводов, успел добежать почти до Кирилловой избы.

Воронин выдернул длинную свечу из связки и поставил её в пустой стакан. Чиркнул спичкой и запалил фитиль. За окном быстро темнело, и комната наполнилась мягким дыханием света.

Он непременно, непременно, услышит эту ноту тишины, – и на него обрушится Космос. И он к этому готов.

4

Кирилла так сморило за день, что у него всего и хватило сил: сходить зачерпнуть полведра воды из ключа, бьющего в ложине недалеко от дома; с трудом растопить печь, поначалу гудящую холодом и выедающую глаза дымом; вскипятить, оставшийся еще от хозяев, закопченный насмерть с кривым носиком чайник; выпить подряд три стакана чая с мутноватой, но зато настоящей родниковой водой; и завалиться на кровать с железной сеткой, провисшей почти до пола, как в люльку. Сон окутал мгновенно, оставив в своем коконе лишь небольшие просветы реальности в виде пыхающей огнями, остывающей, печи, да далекого рыхлого лая собаки.

На следующий день Кириллу предстояло очень серьезное дело. Хотя, со стороны это могло показаться пустейшей затеей, или даже придурью. В сарае, где в потоках дневного света, пробивавшегося через щели, плавали пыль с паутиной, он отодрал, как шкуру, вросший в пол мешок. Растащил слипшуюся мешковину, хорошенько её встряхнул, кинул на плечо и, надев высокие резиновые сапоги, угрюмо простоявшие в углу бог его знает сколько времени, отправился в лес собирать опавшие листья. И был избирателен и в своей избирательности странен. Казалось, куда живописнее – осиновый багряный, как сбрызнут лимонным соком, – или березовый желтый-желтый, как яичный желток, в веселых крапинках, одно загляденье – ан, нет! – не суждено им оказаться в мешке. Красота, «очей очарованье», и прочее, – здесь явно не служили критерием отбора. Но выходило как раз и наоборот: полусгнившие, потухшие листья, как вот эти дубовые с завернутыми краями, похожие на подгоревшие оладьи, получали неоспоримое преимущество в сравнении с их прекрасными собратьями. Он подолгу всматривался, раздумывал, обнюхивал, а в некоторых случаях – пробовал на язык, прежде чем соглашался опустить листик в мешок. К полудню с листьями было покончено. Кирилл вывалил из мешка разложившийся невесомый труп облетевших деревьев в таз, помешал рукой по кругу, наклонился и глубоко вдохнул – у него засвербело в носу и он от души чихнул, что звякнула ложечка в стакане с недопитым чаем. А когда наступила полночь, Воронин вытащил из кармашка рюкзака фонарик, щелкнул кнопкой и направил луч на стену, проверяя интенсивность света – остался доволен – в ярком круге отчетливо просматривались блеклые ромбики выцветших обоев, которыми была оклеена фанерная перегородка, разделявшая дом на две комнаты. Он опять накинуд мешок на плечо, натянул сапоги и отправился в ночную темень, на этот раз за травой. С травой оказалось куда проще. Высокая и густая покрывала весь овраг у ручья. Воронин стал было прочерчивать зигзагом света тропинку, как вскоре понял, что вполне может обойтись и без фонарика. Свет полной луны, делая всё вокруг похожим на таинственные декорации какой-нибудь одноактной ночной мистерии, выстилал главному герою белую дорожку прямо к зарослям травы. Но на полпути Воронин остановился. Воронин замер, увидев над черным лесом Фудзияму, горящую желто-зеленым светом! Это так постарались наплывшие тучи прикрыть луну. Или как будто кто-то невидимый маникюрными ножницами взял и вырезал из луны японскую гордость, отбросив обрезки, как ненужные «летающие тарелки». «Японская миниатюра в космическом переложении» – подытожил Воронин, подойдя к оврагу, и тут же мысленно отругал себя за непозволительную роскошь тратить время на постороннее. Но, как зачарованный, краем глаза еще разок глянул на луну. Фудзияма сильно покривилась и съехала вбок, но всё еще держалась на притяннутом к первоначальному образу воображении Воронина. «И почему эта гора с длинными гладкими склонами – всё-таки Фудзияма, а не что-то другое, к примеру, – Ключевская сопка, тоже вулкан, на том же Дальнем Востоке, да и ключ бьет рядом? Это надо покопаться в себе. Хотя позже обязательно выстрелит». «Но времени,

времени же впритык!» – одернул себя Воронин и, спустившись быстро в овраг, бросился рьяно рвать траву и набивать ею мешок. Он поначалу не придавал этому звуку значение, пропустил мимо ушей. Но когда это повторилось, тревожно поднял голову. По телу пробежали мурашки. «Это что тут за плач ребенка?» – покрутил головой по сторонам Воронин. «Откуда-то сверху, и рядом». Он включил фонарик и осветил ель. Луч пробежал по дремучим тяжелым ветвям и скользнул по небу. Ни шороха. «Разгляди здесь чего-нибудь, ну и не лезть же туда ночью» – разрешил он ситуацию и сел на мешок нафаршированный травой. Ждал минуту, другую – повторится или нет? Хрустнула ветка. Воронин вздрогнул. Посветил на ель. На небо. Ночь. Неподвижность. И далекое кажется близким, и близкое так далеко, – в такую-то лунную ночь. « Может быть плачет во сне дитя в какой-нибудь деревне, зовет мамку. А я тут шарахаюсь вокруг елки». А вот и разгадка к Фудзи грохнула средневековой японской поэзией – «Ночь. Неподвижность и тишь. Зловещий плач ребенка.» Подстроенная под русскую речь хокку-страшилка. «Такое настроение, всплывшее в той культурной традиции, бродило во мне, когда я вышел в ночь, ища за что бы зацепиться, и вот – сначала непосредственный зрительный образ, а потом, как обобщение – стих. Но был ли тогда плач ребенка, вот в чем вопрос?» – довольный такими измышлениями закинул Воронин мешок за спину и пошел в дом.

До двух оставался почти час. «Быстро я управился» – похвалил себя Воронин и высыпал мокрую траву на длинную лавку у окна. «Пускай подсохнет, а мне б немного расслабиться, такое услышать там... чуть сердце не разорвалось на части» – покачал головой и полез в скрипучий жесткий гамак кровати. «Странные вещи происходят со временем – старался переключиться он от, еще стоявшего в нем знаком вопроса, того пронзительного, надрывного плача – на отвлеченные темы – там под елью, в ночи, мне всё казалось, что не успеваю, времени в обрез, а сейчас, если вспомнить, то всё происходило как в замедленной съемке... или того больше, вообще отдельные кадры событий, как будто затстревавали... и жизнь останавливались.» Размышлял Воронин, уже посапывая.

Он вскочил ровно в два. «Есть все-таки биологические часы!». Помассировал на локте розоватый рубец, оставшийся от сетки, потер руки и приступил к тому, ради чего весь сыр-бор. Взял со стола полиэтиленовый пакет, разрезал уголок ножницами, и высыпал порошковое молоко в глиняный кувшин. Налил из ведра воды в кастрюлю, подбросил в печь дрова, и, ставив кочергой закопченный кружок из пылающей дыры, обжигая пальцы, поставил воду. Вода вскипела в минуту. Воронин выпустил из-под брюк рубашку и, окутав краем материи кисти рук, снял с печи раскаленную посудину и поставил на стол. Вылил кипяток в кувшин. Комки белого порошка всплыли, но вскоре растаяли, как остатки льда и снега в периоды глобального потепления в Ледовитом океане.

Оставив молоко остывать, Воронин занялся листьями. Он отщипывал от листьев потемневшие, полусгнившие края, растирал их в ладонях и стряхивал в кувшин с молоком, а прилипшие к рукам кусочки счищал в молоко ногтем большого пальца. И с листьями Воронин справился скоро. Довольный, что всё идет как надо, он взболтнул своё варево и накрыл кувшин блюдцем. Собственно, всё, что он только что проделывал, было не чем иным, как претворением в жизнь магических строф, написанных им несколько лет назад, и как раз для этой решающей ночи.

Воронин обладал абсолютным поэтическим слухом, в этом он никогда не сомневался. Стихотворную метрику окружающего бытия, его осмысления, музыку жизни – он схватывал мгновенно.

Но жизнь, не всегда укладывается в прокрустово ложе классических размеров, и потому из-под его пера выходили самые неожиданные комбинации. Это могло быть всё что угодно: какие-нибудь Кентавры Хореев и Пиррихийев, или Трибрахий пожирающий Дактиля. И прочие Чудовища. Но это его мало занимало. Этим пусть занимаются литературоведы и критики, это их хлеб.

Как и с этими строчками:

Молоко волью горящее в глиняный кувшин,
С листьев примешаю кровь и гниль.

Здесь неточная рифма «ин» – «и гн», соскальзывающая в «иль», – помимо того, что сдвигает, деформирует пространство, очерченное под мистическое действие, еще, ко всему, и выводит за эту черту. И если сильно захотеть, то начинают слышаться протяжные, жутковатые песни подслеповатых крючконосых колдунов, ворожащих над своим приготовлением. А от звенящих металлом, непрístupных «н» приходит понимание исключительности своей личности, надежденной высшим знанием.

А траву полночную разнесу кругом,
Запахи, как гвозди заколотят дом.

А здесь «ом» – «ом» создают гипнотическое ощущение замкнутого пустого пространства, вырывающегося из мелкотемья простой крестьянской избы и поднимающегося до обобщений, поистине, космического масштаба. А чего только стоит парадоксальная метафора «запахи, как гвозди заколотят дом»? И разве

не слышно как стучит молоток по согласным «л» – «т» – «т», и по «д» – «м» вбивает эти гвозди по самые шляпки?

Воронин взял с лавки охапку травы и стал разбрасывать по углам, всовывать в щели между бревнами стен, заталкивать под потолок.

Настала очередь за кровью. За его кровью. Хотя в стихотворном тексте говорилось про кровь гнилых листьев. Чья же в действительности должна быть кровь, знал только Воронин. Его, только его. Его кровяные тельца должны войти в соприкосновение, в неразрывную связь с молекулами и атомами природы. Так что, кто другой, без знания этого, как ни бейся за приготовлением магического питья, ничего не выйдет. Стих нарочито вводил в заблуждение. Тайное – не может быть делом рук непосвященных. Воронин раскрыл складной нож, и надрезал указательный палец правой руки. Когда кровь заполнила ранку и алая капля побежала по руке, он окунул кровоточащий палец в теплое молоко. Молоко потопило в себе его кровяные тельца, не оставив на поверхности никаких следов. «Ну вот и с этим покончено» – хлопнул по коленям Воронин, взял нож, подошел к окну и воткнул острое лезвие в переплет. «А это, – чтобы никакая нечистая сила, из любопытства, или зловредности не проникла в дом». Он подергал нож за пластиковую рукоять с никелированными заклепками. Нож держался крепко. До трех оставалось полчаса. Воронин поправил догорающую свечу в стакане, снова прикрыл кувшин блюдцем и, посасывая ранку, сел на лавку ждать.

Черное подспорье убелись как снег,
Никому ни слова – Тайну Слова мне

Аще избран ведать буду невредим,
Где другой не к месту – я – огонь и дым!

5

«Вот гадость какая, химия сплошная!» – вырвалось у Воронина и он бухнул на стол, ополовиненный им, кувшин с молоком.

«Надо было с собой нормальное брать, поленился, не захотел морочиться». Он вытер рукавом рубашки губы и сморщился. Привкус был тот еще, как от разжеванной таблетки с вышедшим сроком годности.

Но наступил решающий час, и появившиеся, после ритуального принятия в себя зелья, малодушные кивания в прошлое «как надо было» необходимо без колебаний отмести.

Об этом часе этого дня Воронин узнал от знакомого астролога, когда однажды сдался настойчивым приставам того сообщить дату рождения.

Воронин высмотрел в почти распавшейся на части от времени, с расползшимися чернилами, метрике даже часы и минуты своего появления на свет.

Через неделю он выслушивал по телефону суховатый доклад о своем прошлом и будущем. Что-то там сходилось, что-то можно было интерпретировать именно так. Воронин соглашался и не спорил, чтобы не затягивать разговор. Слушал без особого интереса. Пока знакомый предсказатель судеб не стал говорить о трех благоприятных периодах для творчества. Как он выразился: " Откроется космический канал». Так и сказал. «Стоп!» – обрезал тогда Воронин свое рассеянное внимание и дрожащим от волнения голосом попросил повторить. Астролог холодно повторил, добавив, что не стоит так переживать и суетиться о том, что давно предопределено. «Да, безусловно» – согласился Воронин, а сам в уме быстро прокрутил: первая озвученная дата приходилась на тот далекий день, когда он услышал ту волшебную музыку по радио. Ночь. Полнолуние. Между тремя и четырьмя часами. «Кто предупрежден, тот вооружен» – отключив телефон, сказал вслух Воронин. В его голосе зазвучали металлические нотки: « Через двенадцать лет поздно. Неизвестно что будет. Сейчас в самый раз».

Но ему слышался собачий лай, как прошлой ночью. Воронин затаил дыхание и вслушался, – пёс отрывисто лаял и лаял, и казалось где-то рядом. «Ну и ладно, – мне-то какое дело, пусть себе бродит, каждому своё, нечего больше крутить головой, – да хотя бы и потоп там! – Воронин выдохнул и уставился в стену. Он решил пригвоздить свой взор к этой стене над печью, выбеленной ой как давно, и потому похожей на грязную корку подтаявшего снега – и ничего там постороннего. Стена и он. Драгоценные минуты утекают. Потом будет поздно. Вся прошлая жизнь – и этот час. Если сейчас не произойдет – в будущем не будет никакого смысла». Но когда под самым окном заплакал ребенок, Воронина аж подбросило на стуле и он не выдержал: схватил фонарик и, с размаху хлопнув дверью, выскочил на улицу.

«Ну, где тут?» – накручивал он в крошечной тьме светящиеся окружности. Луну укутали тучи, виднелась только желтая точка, луна как будто подглядывала. Ребенок заплакал. Потом заскулил. Опять заплакал и вдруг – откашлялся. Когда хочется бежать – надо сделать шаг вперед. Воронин хорошо помнил это правило. Он сделал шаг. И еще шаг. И еще. На пне у изгороди сидела черная фигура. Сидела на корточках, обхватив колени руками. В пальто. «Кто там?» – нетвердо спросил Воронин и, вытянув руку вперед, навел луч на непрошеного гостя. На пне, нахохлившись, сидела большая птица. «Вот это да! – ахнул Воронин – это же ворон! Ворон!». Однажды он видел чучело этой птицы, в одном провинциальном музее. А вот теперь живьем. Ночью. Сам прилетел! «Всё понятно, – ладонью потер лоб Воронин, – рассеялся мрак, теперь ясно какая лаяла собака, и какой рыдал ребенок. Большой ворон мастер в подражании чужим голосам, в том числе и человеческим.

Кириллу захотелось присесть рядом, и он опустил на плоский камень у изгороди, прислонившись к покосившемуся столбу спиной. Поднял плечи, втянул шею, положил руки на колени, сцепив пальцы в замок, и, будто подражая птице, нахохлился.

Луна, расковыряв еще одну дырку, смотрела в оба глаза.

Наступила глубокая тишина. Кирилл слышал, как в этой тишине бьется его сердце. Так громко. Будто огромный пузырь воздуха идет из толщи океана и вырывается на поверхность с этим гулким звуком. Или из толщи Вселенной. Тишина и биение его сердца. «Нота тишина! Вот она нота тишины!» – пронеслась мысль по всему телу Кирилла и он посмотрел на ворона.

Ворон сверкнул на Кирилла темно-бурым зрачком и каркнул. «Ворон, это ворон принес ему в клюве Ноту Тишины!» – осенило Кирилла, и он резко встал, и хотел было подойти к птице и обнять её, но остановился в полушаге и стал нервно ходить взад-вперед. А ворон спрыгнул, каркнул еще раз, и, сделав в сторону несколько прыжков, шумно взлетел. Кирилла обдало волной воздуха. Описав круг над лугом, птица тенью мелькнула у верхушки ели, а в следующий момент Кирилл уже видел взмахи черных крыльев на фоне освободившейся от туч луны.

Впрочем, что это было в точности так, позже Кирилл совсем и не настаивал. Но ворон был. И была тишина.

Открытия для Кирилла продолжились, когда он вернулся в дом. Запалив новую свечу и только-только поставив её в стакан, как вскрикнул от мысли, заполнившей его всего, с ногтей до кончиков волос на голове: Ворон принес ему и новую фамилию: он отныне – Кирилл Воронов! А ни какой-то там Воронин. Это его истинное имя: Кирилл Воронов, и с этим именем он удивит мир. Это имя его Творческой Силы. Какие там могут быть ворОны, если рядом ворон!

И тут его, Кирилла Воронова, захватил Ритм. Ритм, неизвестно кем, когда, и неизвестно зачем, положенный в основу всего того, что стоит перед глазами каждый день, что чудится каждую ночь, и что и видится и чудится, когда нет уже ни дней, ни ночей. Кирилла как будто шибануло электрическим разрядом прилетевшим с небес. Да так сильно дернуло, что он сначала весь одеревенел, потом его скорезило, как будто получил под дых, а потом его пронзили тысячи иголок, – и он упал на пол и забился в конвульсиях. Он колотил руками и ногами по полу, стараясь попасть в ритм, идущий из глубин его внутреннего клокочущего космоса. «Ы-ы – ы» – завыл он, и его голова стала стучаться об пол, издавая нестерпимо пустой звук. А потом вдруг успокоился и запел: " Осен-нь священ-ная, а-а-а! А-а – а, О-о-сень священ-на-я!". Задрожали стекла, задвигался стол, замигала свеча, упал и разбился стакан с чайной ложечкой.

Правда позже, Кирилл и не утверждал, что всё было именно так, но по полу топал, руками махал. Стакан разбил.

Востроухая трава
С хорохористой листвой
Собирают жуть ночную
И в себе её ночуют

Как Кирилл начал записывать эти строчки, он не помнил.

Как поднялся с пола, сел за стол, раскрыл толстую тетрадь в синем твердом переплете – всего этого он не помнил. Ясное осознание происходящего пришло, когда он дописывал последнее слово «ночуют». Но эти строчки были всего лишь началом, вратами в океан безбрежной поэзии. Дальше его прорвало. Он записывал отдельные рифмы и сравнения. Невероятные метафоры. Слова сталкивались, и от их столкновения сыпались искры. И ритмы, ритмы. Необычная стихотворная метрика. Он писал кусками. Отрывисто, задирая строчки кверху, заламывая их, – как в недавнем экстазе выгибалось его тело. Он писал с сильным нажимом, местами разрывая ручкой бумагу. Это было так называемое автоматическое письмо, «прорыв в глубины подсознательного» – так сказал бы какой-нибудь продвинутый литератор или психотерапевт. Но Кирилл бы напротив заметил: «Еще как сознательного».

Когда Кирилл Воронов положил ручку на стол, в комнате было уже совсем светло. Он закрыл тетрадь и посмотрел в окно. «Не понял?!» – от удивления у него округлились глаза, и он, схватив стул за сиденье, в два рывка отодвинулся от стола. К стеклу прижалась чья-то физиономия, расплющив губы и кончик носа. «Это что еще за новости?» – отложил он тетрадь на самый край стола. Кто-то настойчиво стучал в окно.

«Кого это сюда принесло?» – нахмурился Кирилл, поднялся и, нащупав в кармане фонарик, пошел к двери. На улице вовсю светило солнце. Время, должно быть, подбиралось к полудню.

У окна стоял рослый мужик в черном комбинезоне. Он улыбнулся Кириллу: «Ты чего там, оглох что ли? Стучу тебе, стучу. Ну, ты даешь». Это был Вовка.

6

«ЗдорОво» – не пряча улыбки, протянул руку Вовка. Пожатие Вовки оказалось стальным. Ладонь будто попала в тиски. «Чего так давить – пробубнил Кирилл под нос, выдергивая руку. И чуть слышно ответил – добрый день». «А откуда вы узнали, что я тут? Как отыскали?» – чтобы что-то сказать, погромче спросил Кирилл. А что было еще спрашивать?

А сам подумал: «Выследили». «Догадались, это он догадался» – растопырив пальцы, Вовка, не оборачиваясь, ткнул большим пальцем назад. И Кирилл только сейчас заметил за домом на пригорке зеленый фургон. За рулем сидел Брюс Уиллис. «Говорит: такие, похожие на тебя, он знает, он книжки читает, вроде с тобой беседу ведут, то сё, тары-бары, в глаза глядят, а сами думают про другое. С рюкзачками по лесам бродят. – Вовка лукаво подмигнул Кириллу и продолжил – Расслабляются, мать их..., себя, говорит, ищут. И ежу понятно, что не грибы».

«Не хочешь с нами в баню, тут недалеко? Мы после смены. Грязные, как черти» – вдруг, перескочил с темы, огорошив предложением Кирилла.

«В баню?» – насупился Кирилл, – в баню никак не входило в его планы. «Не знаю» – пожал он плечами.

«Давай, давай, чё боишься. С утра растопили, дымит». «Да я не боюсь, чего бояться» – заколебался Кирилл, развел руками и для себя уже принялся выстраивать доводы, чтобы согласиться. «Почему бы и нет, я всё сделал – он только начинал осознавать произошедшее ночью и затем утром. – Оставались мелочи: расставить по местам, разложить по полочкам, и начинать подыскивать издательства. Не о чем больше переживать. Нечего больше таить. Всё главное свершилось. А если так – можно подумать и о грешной плоти, снять напряжение, попариться. Очень кстати». И он одобрительно кивнул Вовке: " Хорошо, если можно, то – ладно; я только вещи соберу. Минутку. Я быстро». Конечно, никакие вещи он не думал собирать. Не было никаких таких вещей. Была тетрадь в синем переплете. Как без тетради? Куда без нее? Оставлять её страшно.

Они сели в кабину. В кабине тесно, неудобно, но лучше, чем в вонючей будке.

Машина пробуксовывала, прыгала на кочках, под сиденьем гремели гаечные ключи. Крышка «бардачка» разевала пасть. Вовка её захлопывал. На одном бугре подкинуло, и Кирилл больно стукнулся головой о потолок. «Ничего, скоро будем» – повернулся к Кириллу Вовка. Вовка говорил. Брюс Уиллис молчал.

«Раньше тут церковь стояла, деревянная, каждую весну в зеленый цвет красили, а маковку серебрянкой. Я её мальчишкой помню. Поп приходил. А когда старики поумирали, пригнали из района бульдозер и снесли. А на фундаменте баню сколотили. Ничего банька, маленькая только. Скоро увидишь». Кирилл тупо кивал.

Машина тормознула и замерла. «Всё, приехали – сказал Вовка, и подтолкнул Кирилла локтем – давай, вылезай». Кирилл изловчился из неудобного положения дернуть ручку двери, надавил плечом – и вывалился из машины. Баньку эту издали так просто не заметишь. Зарылась избушка в ольшанике и крапиве. Из-под колпака трубы, похожей на громадную поганку, пыхал сизый дымок. Вовка выдернул щеколду из порожка, толкнул дверь и, повернувшись к Кириллу, сказал: «Входи, чё ты? – не стесняйся».

Они сидели за столом на гладко обструганных скамьях в крохотном предбаннике, по несколько раз уже успев сходить в парную, поелозить себя куском коричневого мыла, скорей пригодного чтобы тереть механизмы, а не живую материю, и вылить на себя по тазу ледяной воды. Сидели разомлевшие, накинув, облепившие их мокрые тела, простыни. На столе стояла бутылка с мутной бражкой. В тарелке нарезанные ломтики сала с розовой полоской у шкурки. В миске с рассолом плавали пупырчатые огурцы. Ржаной хлеб и соль в спичечном коробке, на размокшем островке газеты. Выпили. Закусили.

Кириллу снова захотелось говорить и думать. Но говорил Брюс Уиллис. Вовка молчал. У них как случалось, либо говорил Вовка, а Брюс Уиллис молчал. Или наоборот. Чтобы между ними возникал диалог, они соглашались друг с другом, спорили – такого не наблюдалось.

К блестящей лысине Брюса Уиллиса приклеился березовый листочек, смахивавший на родимое пятно, а на левом плече синела поблекшая наколка: якорь, увитый цепью.

Брюс Уиллис закурил, Вовка не курил. «А я вот что хочу еще сказать, – человека, как я понимаю, его самого по себе, выходит, и нет» – неожиданно Брюс Уиллис приподнял градус монолога до философских обобщений. Вовка поморщился, но промолчал. «Стояла на этом месте церковь, люди были с Богом. А снесли церковь, с чем люди остались? – правильно, – с партией. Или без Бога. Или, как мы, с баней, – и Брюс Уиллис рассмеялся – место пусто не бывает».

Вовка поднялся и извлек из темного угла переносной приемник. Вытянул антенну. Размотал шнур и воткнул в розетку. Оказывается, в бане был свет. Покрутил колесиком с насечкой, отыскивая волну. «Пусть играет. Тихо сделаю» – хмуро процедил он и разлил по стаканам. Выпили. Закусили. Кирилл огурцом. «А вот говорят, что на том свете человек будет голенький. Душа его, как есть, без всяких примесей, без всей муры этой, что тебе в голову с детства вбивают. Что потом живешь, и думаешь, что это ты допер сам, что так нужно жить. Что тебе от кого-то что-то надо, и ты для кого-то представляешь ценность, и от тебя что-то ждут. Хотя, время от времени они призывают тебя отдать им свой голос». Довольный собой он напоследок затянулся и быстро затушил в тарелке окуроч. «А как без примесей, так – или с грехами – то в ад прямиком, или с благодатью – в рай к наслаждению. Райские кущи вдыхать. То и там, и там – все мы похожи, обезличены, как в армейском строю, только разная степень кто покруче на что попал. А всяких индивидуальных особенностей, неповторимости натуры, всей этой мишуры – как не бывало... А если как у атеистов-материалистов в землю и ни гу-гу, – тогда только имя и даты на памятнике. И фотка выцветшая, в овале». Вовка посмотрел на Кирилла. Кирилл посмотрел на Брюса Уиллиса, и удивился. Брюс Уиллис мимикрировал. И теперь за столом сидел не Брюс Уиллис, а французский комик. У Кирилла вертелось имя, но он с трудом отдирает в своем захмелевшем сознании сильно слипшиеся разноуровневые культурные слои. «Луи де Фюнес!» – вскрикнул он. Вовка испуганно глянул на Кирилла. А лоснящийся Луи де Фюнес, как ни в чем не бывало, продолжил: «Остается одно только название, имя». " Зайдем теперь с другого конца: а как вы думаете, – посмотрел он, прищурясь, на Вовку и Кирилла – что заставляет одних всю жизнь сочинять музыку, писать стихи, малевать картины – а другим всё это по барабану, живут как парнокопытные: отпахал и в стойло, зажевал и на ночлег? А если много денег, то в пустой праздности время убивают, что еще хуже... Ну и конечно, продолжают свой род". Вовка никак не думал, а Кирилл отвернулся. „Ну, как хотите, а я вот как разумею: ищут они утерянный рай, вспомнить хотя небесную гармонию. Не зря про них говорят «не от мира сего», печать на них божия. А те, другие, выходит, про эту гармонию ни ухом, ни рылом. Различие между людьми. Черта непреодолимая. Так положено свыше... Так оно мне казалось. Но дело-то вышло сложнее. Был у меня один знакомый, дуб дубом. Работа, дом, семья. Три измерения. И никакого тебе четвертого. Один раз он крепко напился. Вообще-то он непьющий, но тут у родни крестины были. Чуть на тот свет не отправился. Еле откачали. Изменился он. Сначала неделю ходил молчал. На жену и детей цыкал, что мешают ему жить,

как он хочет. Думали – последствие перепоя, пройдет. А он что отколол – утащил у детей акварельные краски и на картонных коробках из-под ботинок и бытовой техники рисовать начал. Как одержимый. Пробило его на живопись. Небесные сюжеты. Ангелочки с трубами на облаках. Бог из солнечного диска, как из окошка, высовывается. Улыбку дарит людям. Вот что оно получается. А вы говорите – «Личность, индивидуальность, – раз и навсегда положены. Что дано Юпитеру – не дано быку». Нет, и еще раз – нет! В каждом из нас живет всё, вся природа – и видимая и та – из четвертого измерения, только одному, чтобы увидеть её – как в соседнюю комнату зайти, а другому – напиться надо до усёру, прощу прощения. Вот и получается, если до основы добраться, то и нет личности, индивидуума, а одна природа, что у всех одинаковая. А мы – только имя, название, сочетание букв – да и с этим разобраться надо...". Как хотел разобраться с этим, пришедший на помощь Брюсу Уиллису Луи де Фюнес, Кирилл уже не слушал, его внимание перепрыгнуло на музыку. На песню из приемника. А песня была душевная, морская. Из того советского времени, когда песни сочинялись для души, а не ради денег.

Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подлодка из глубины идет домой

С чувством выводил баритон, – ему вторил хор, придавая песне еще больше душевности и обволакивающей теплоты.

У Кирилла всплыла картинка. Телевизор. Вспыхивает голубой экран.

На экране солист в строгом черном костюме и зауженных к низу брюках, с тонкой стрелкой галстука. На расстоянии от микрофона. А не «ест» его, как сейчас. На подмостках в несколько рядов, раскачиваясь, символизируя видимо волны, поет краснознаменный хор. Или штатские, переодетые на время в военное. Но не важно: высокие фуражки, красные звезды в медальонах кокард. Золоченые погоны. Сияют натертые пуговицы. Солист незаметным движением руки поправляет чуб, упавший на лоб, и продолжает. А хористы, повернувшись друг к другу, по-дружески, по-военному улыбаются, и повторяют за солистом.

Испытать глубину погруженья,
Глубину твоей чистой любви

Кирилл сначала прыснул. Зажал рот ладонью. Но не удержался – и его сразил хохот. Ему открылся внутренний, тщательно замаскированный, смысл песни. Авторы разговаривали со страной, примкнувшей вечерами к экранам, на подсознательном уровне.

Это фаллос! Конечно же, – фаллос! Уставший фаллос. Уставший, но удовлетворенный проделанной работой выходит из глубокого погружения в вагину. И об их интимном характере отношений известно только им двоим.

Ей и ему. «Ну не пошляк ли я? " – всхлипывая от смеха, пытался остановить себя Кирилл. «Ну ладно, ладно, – конечно же, – подводнику и ждущей его подруге». А итогом песни проводилась мысль, о которой предпочиталось умалчивать в то еще не так далекое пуританское время, когда секса в стране не было, – что, все-таки, только секс и любовь, неразрывные в своем единстве, и составляют гармонию и счастье. Кирилл отметил мудрость авторов. Это его успокоило и привело в чувство. «А каково, а каков подтекст?!». Он поднял голову. Брюс Уиллис продолжал о своем. Вовка молчал.

Назад Кириллу захотелось без машины. «Пройтись лучше. На воздухе бражка быстро выветрится». Когда поднялся на холм – обернулся – там, далеко внизу, у машины возился Вовка, Брюса Уиллиса видно не было. «А странные они – так и не спросили у меня имя» – пожал плечами Кирилл, но тут же махнул рукой и зашагал к дому.

Внезапно его остановила страшная мысль: «А тетрадь?! – Забыл про тетрадь! Расслабился!». Кинулся ощупывать рюкзак, и когда нащупал твердые уголки обложки – облегченно вздохнул.

Ночью, подложив рюкзак под голову, долго не мог уснуть. Свистел ветер. Скрипел сук на дереве. Шумела, завывала печь. В сарае что-то ухало, падало. Задувало из всех щелей. «Погода меняется – и меня ждут большие перемены» – был он поэтически настроен, уже засыпая.

Утром вскипятил чаю. Наскоро поел и пошел на первую электричку. По дороге его снова охватила паника, он сбросил рюкзак, распустил шнур, раскрыл – «Нет, – всё на месте! Дергаюсь попусту. Спокойнее надо». Присел рядом и, не торопясь, стал затягивать рюкзак.

7

Добрался до своей Промышленной Кирилл поздним вечером. Подходя к подъезду, по привычке посмотрел на окно кухни. Свет горел. «Значит дома. Не сидится ему на даче» – недовольно еще раз глянул на освещенный прямоугольник окна и толкнул дверь в парадную.

Жил он в коммунальной квартире, в доме, построенном в начале тридцатых. В эпоху расцвета конструктивизма. «Хотя, конечно, какой расцвет может быть у конструктивизма? – иронически дискутировал с последователями этого направления в искусстве Кирилл – Разве что голый каркас здания?». Тогда, такой расцвет должен приходиться на десятилетия долго-строая, получившего небывалый размах в годы перестройки. Брошенные коробки промышленных комплексов посреди пустырей. С рядами колонн и лежащими на них кое-где балками. С фермами, так и не перекрытыми плитами. С мостовыми кранами, на перекрученных тросах которых безвольно болтались крюки, похожие на выдранные клювы огромных какаду. Крюки, так и не поднявшие ни одного груза. Капище новых язычников. Стоунхендж в век научно-технического прогресса. Кирилл не принимал конструктивизм. Ни в архитектуре, ни, тем более, в поэзии. В детстве, ему, как и положено родителями с техническим образованием, после окончания начальной школы был подарен конструктор. Черные детали с дырочками, блестящие клопки винтиков, набор отверток и ключей, и плохо прорисованная инструкция на тонкой серой бумаге. Он прохладно отнесся ко всему этому железу. К тому же винтики терялись, их нужно было выковыривать из пыльных щелей между паркетин. Единственное, что его трогало – это глубокий черный цвет.

И расселить эту коммунальную квартиру, выбраться из лаконичной пролетарской эстетики в обозримом будущем не представлялось возможным. Было глухо, как в пролетарском гробу. Без всякой надежды на свободный полет души, измученной стесненными обстоятельствами жизни. Потому что архитекторы той философии возможность иметь эту душу никак не рассматривали.

Кирилл задвинул дверь засовом и быстро пошел по коридору. Митрофан Ильич Кучкин в белой медицинской маске жужжал перфоратором на кухне. До гриппа было еще рановато, а вот строительная пыль уже висела в воздухе. «Добрый вечер – громко поздоровался Кирилл, а сам подумал – будет теперь сверлить до ночи». Митрофан Ильич повернул голову и промычал.

Кирилл вытащил из рюкзака тетрадь. Бережно положил на середину стола, поправил, чтобы лежала ровно. «Живая, – провел по обложке рукой – там всё живое». Сверху, наискосок, чуть ближе к верхнему краю, положил ручку. «Двух-трех недель, ну, в крайнем случае, месяца должно хватить. А на сегодня – нет, отдохну с дороги. Завтра с утра и примусь. Главное, чтобы этот не мешал, нужно полностью отрешиться от повседневной суеты». Кирилл выключил свет и прилег на диван.

С удовольствием вытянул ноги, похрустел шейными позвонками и, натянув к подбородку одеяло, закрыл глаза. Но закрыться от шумовой сцены, разыгрываемой на подмостках коммунальной кухни не получилось. И если от злобного нудения перфоратора можно было отмахнуться, как от назойливой мухи, с ним можно было жить. То, когда Митрофан Ильич Кучкин взял в руки другой тяжелый инструмент и стал стучать, стучать, стучать и стучать, – видимо вбивал и вкручивал крупные шурупы, – волна раздражения прокатилась по телу Кирилла. Он вскочил и сел на диван. Его взорвало. Не хотел он, много раз после того как ополчался на Кучкина, потом себя казнил. Ну не стоит того, этот Кучкин. Но тип был еще тот.

Кирилла затрясло, и он пустился во все тяжкие, изгаляясь на счет личности Митрофана Ильича. «Типичный продукт ущемленности, на почве устройства социума в СССР с его невыездной моделью. Но, тем не менее, задавленный всеми комплексами маленького человека независимо от формы обобществления труда. И самое страшное – разрываемый патологическими страхами, активно подпитываемыми информационной агрессией вечно включенного экрана телевизора. А коптить собирается еще ого-го сколько, – пока не расшифруют геном долголетия. Уж лучше шел бы сразу в заморозку. Избавил бы окружение от своего запаха. А пахло от Митрофана Ильича потом «не первой свежести», и старой, давно нестиранной, одеждой. Как из шкафчиков для рабочих спецовок в строительной бытовке». Кирилл остановился, перевел дух. Прислушался. Похоже, на кухне стихло. «А так, по всему, неплохой человек, хороший семьянин, ну что с того, что никогда не летал на самолете, и ни разу не видел снов, – об этом Митрофан Ильич как-то проговорился Кириллу». Из кухни ни звука. «Детей вырастил. Жена, Лидия Викторовна, хозяйка хорошая. Живут круглый год на даче, а сюда, случается, наезжают, ненадолго». «А я поначалу понять не мог – опять стал заводиться Кирилл, расслышав легкое постукивание – почему он руки не подает? – ну, не хочешь здороваться за руку, не надо, думаю, – обойдусь. Но когда увидел, как он моет теплой водой бананы. И потом снимает кожуру. А черный подгнивший конец, где мякоть может соприкоснуться со «всякой пакостью», как он выражается бывает, аккуратно ножом срезает. Всё стало ясно. И больше того, моет он и фольгу глазированных сырков, и шоколадок, по которой всякая мелкая пакость на складах может бегать, а он руками берет, а потом в рот. Дальше он стал мыть и то и другое с мылом. Налицо прогресс. Ручку в туалете голый рукой не возьмет – рукав вытянет, обернет ручку – тогда, пожалуйста, можно войти, или толкнет дверь коленом. Стульчак обкладывает туалетной бумагой, то-то его рулон после двух заходов истощается. Висит только приклеенный оторвыш». " Но у других бывает и хуже» – на кухне возобладала тишина и Кирилл, смягчившись, вспомнил, как видел в фильмах, когда жильцы ходят в туалет со своими стульчаками. «Бедный, бедный человек. Ни от жизни, ни от людей ничего хорошего не ждет. То худеет для здоровья, и, похудев, думать начинает – «не заболел ли он?» – и опять вес набирает. Или подстрижет его Лидия Викторовна под машинку, обнулит. Походит Митрофан Ильич неделю-другую в кепке, чтобы не привлекать внимание, и уже, глядишь, начинает отращивать волосы на уши. Суету вокруг себя разводит, всё никак с приоритетами для себя не определится. Бедный человек, ни минуты для души, для отдохновения, целый день как заведенный. И еще ко всему, опасается что-нибудь забыть: спустить, отключить, закрыть, проверить отключенное, завести, сдернуть, еще раз сдернуть. С ума сойти. А что весь этот спектакль сейчас устраивается со сверлением и колотьбой, так боится, что подам на него в органы. Донос напишу. Что не живет он здесь. Зря за ним метры числятся. Выселят его с Лидией Викторовной. Или будут неприятные разбирательства. Дело заведут. Оттого и создает эту видимость. Вешает полки. Красит стены в коридоре каждую весну, зеленую филенку протягивает. Лампочки в парадной меняет. Другим дела нет, а он следит, чтоб всегда светло было. Или приедут с Лидией Викторовной, сядут на кухне и пьют чай. Чайник свистит, телевизор орет. Они чай пьют, громко разговаривают, как настоящие, законные хозяева, а не какие-то временные квартиросъемщики. На меня смотрят: «Вот, мол, мы тут чай пьем. Живем мы тут». Отмечаться приезжают». И Кирилл остановился.

Выговорился, спустил всех собак, отвел душу, – и успокоился. Отдохнуть не удалось, а есть захотелось. И он пошел на кухню.

В коридоре едва не задел плечом педаль велосипеда, подвешенного на ремнях почти к потолку. Кучкины велосипед заместо себя оставляли в квартире. На всеобщее обозрение. Как члена своей семьи. Наделяют этого раритетного монстра живой душой, гнездящейся, наверно, под рубиновой крышкой фары на заднем оржавелом крыле. А говорят, что в душу не верят. Говорят: «Покажи её».

Митрофан Ильич стоял посреди кухни и оглядывал стены. Думал – куда бы еще всадить сверло. Кирилл молча подошел к газовой плите, включил конфорку, чиркнул спичкой, пробудив к жизни бутон пламени, налил в кастрюлю воды и поставил на огонь. Потом извлек из малогабаритного холодильника, закрепленного на табурете, пару яиц и укоризненно посмотрел на Кучкина. Кучкин промычал, но с перфоратором не расстался. Хотя его взгляд перестал блуждать по стене и сфокусировался на зажженной конфорке. Не дожидаясь, когда забулькает вода, Кирилл опустил в кастрюлю яйца, и снова посмотрел на Кучкина. Тот, будто окаменел. «Взять бы, и нарисовать тебе фломастером злобную пасть, а сзади под халат засунуть, в качестве хвоста, резинового надувного крокодила, – и будешь тираннозавром, переползшим из одной эпохи в другую» – разгоряченно подумал Кирилл.

Но Кучкин вовремя стянул маску и разоружился, положив инструмент на свой стол. «Кирилл, я, что тебе скажу, ты кушай, не буду мешать, ты почту, когда достаешь, проверяй внимательней рекламные буклеты, прежде чем их в мусорное ведро. Квитанция затеряется, потом неприятностей не оберешься, затаскают». " Хорошо, хорошо, Митрофан Ильич, не беспокойтесь, я всё перетряхиваю» – в отца Кучкин не годился, но разница в возрасте была ошутима, и Кирилл был с ним на «вы». " Ни одна нужная бумажка не затеряется, живите себе спокойно» – улыбнулся Кирилл и поставил под холодную струю из-под крана кастрюлю с горячими яйцами.

8

Неделю в квартире стояла тишина. Как по заказу. Кучкины не объявлялись. Затворившись, словно в монашеской келье, зря что ли и имя взял новое, посвятив сам себя в духовный сан поэта, Кирилл Воронов отдался охватившему его вдохновению. Его перло. А что, несмотря на затасканность этого слова, и, в связи с этим, приобретшего налет вульгарности, глагол-то сильный, Кириллу нравился. Производное от Перуна. Переть, разить. Или своего грозного бога люди объявили таким именем? В действительности, до конца разобраться с этим не представляется возможным. Это смотря что брать за основу. На какой стоять позиции. Что было вначале: яйцо или курица? Хотя, по мнению Кирилла, и боги и названия появлялись одновременно. Рифмы у Кирилла рождались сами по себе, сотворялись будто из воздуха. Он ничего не искал, не вытаскивал из запасников памяти никаких созвучий. Они сами сыпались одно за другим, как у фокусника из пустого рукава. И если бы он держал в руке не шариковую ручку, а перьевую, то уместно было бы сказать: созвучия, пробежав по стальному перу, и соскользнув с раздвоенного кончика, смешавшись с чернилами, застывали волнующей музыкой на бумаге. И если не на века, то на обозримые десятилетия. На меньше Кирилл Воронов согласен не был.

Через неделю он рассчитывал поставить точку, и подписать даты своего творения. А на сегодня, неплохо бы отложить труды и сделать небольшой перерыв, прогуляться по центру города, развезаться.

Рекламная тумба походила на даму в шляпке с широкими полями, затянутую в корсет. Уже издалека бросалась в глаза фиолетовая афиша, в которую была закутана тумба. Размашистая надпись, стилизованная под детские каракули мелом, гласила, что в Музее Города проходит выставка Ассоциации Современного Искусства. Некий Владислав Бё представлял свою

инсталляцию «Семь миллиардов». Музей располагался неподалеку, через аллею парка. Дверь в музей была открыта. И, надо сказать, дверной проем не зиял темнотой пустующего холла. По асфальтовой дорожке к музею шли, и шли люди. Это были женщины. С виду домохозяйки. Немолодые. В прорезиненных пальто, или в великоватых демисезонных куртках, видно отхваченных в спешке на распродажах. В вязаных шапочках, в сапогах на плоской подошве, они уверенными походками, со знанием дела, не разбрасывая взгляды по сторонам, а замкнувшись в себе, опустив головы, разглядывая только округлые носки своей обуви, дружной толпой топали на выставку. «Странно, очень странно. Им-то что там делать? Они явно не женщины этого Бё – в недоумении остановился Кирилл – если бы – евангелистское собрание, или занятие йогой, – а тут Ассоциация Современного Искусства с мудреным словом инсталляция. И чтобы такой интерес у народа к авангарду? Что-то тут нечисто. Надо сходить». И Кирилл влился в людской поток. Его занесло в холл, развернуло налево к двери с табличкой «вход свободный», и увлекло в зал. «А где же «Семь миллиардов» и современное искусство?» – разглядывал он первый экспонат. На стене висел коврик с вышивкой: зеленоглазая кошка с голубым бантиком в белый горошек на шее. На следующей ткани тоже красовалась кошка, или кот, угольного цвета, с белой грудкой. Кирилл почувствовал себя обманутым, и у него вскипело чувство: «Куда я попал?!». Он обвел взглядом зал. Все стены были увешены вышивками собачек с блестящими черненькими носиками; полуразрушенными башнями замков, увитыми плющом; заброшенными прудами, подернутыми ряской; и кошечками, кошечками, кошечками... Но тут у Кирилла щелкнула догадка и он повеселел: «А если это провокация авангардиста Бё?! Тогда это просто здорово! Что-то новенькое!». " Но почему всё-таки семь миллиардов – потирал Кирилл руки – неужели это всё мистификация, и даже эти женщины, как часть перформанса, всерьез стоят у полотен и что-то там обсуждают, тихо переговариваясь?». «Нет, нет, конечно же, нет» – успокоился он вскоре. Слишком хорошо подумал о фантазии Бё. У выхода он прочитал афишу, закрепленную на треноге – «Вышиваем крестиком», отчетная выставка клуба «Рукодей» при Доме Культуры Второй макаронной фабрики». Кирилл поспешил выйти. Инсталляция располагалась напротив, за другими стеклянными дверями. Её предварял плакат, служивший эпиграфом к развернутому за стеной произведению искусства уже самого Владислава Бё. Её вводной частью, отсылающей посетителей старшего поколения в дни их молодости восстановить залежалый под спудом времени длинный, щемяще-сладостный ассоциативный ряд из прожитой жизни, но с подтекстом выставки. Это был известный советский антиалкогольный плакат «Нет!», призванный остановить устрашающее увеличение потребления спиртного в то время в стране. Когда народ-победитель, не получив ожидаемого послабления режима, сам взялся его ослабить, но, следуя своей глубокой духовной традиции: « измени себя – и изменится мир», – потянулся к пресловутой бутылке. Кстати, эта агитка обыгрывалась за последнее время в разной эстетике множество раз. В оригинале на плакате еще молодой мужчина с ясными голубыми глазами, с волевым подбородком, высоким красивым лбом, гладко зачесанными назад светлыми волосами, в приличном костюме с широким красным галстуком, вкушая что-то мясное в месте общественного питания, был потревожен неким типом. Этот тип, видимо подыскивая себе собутыльника, оторвал героя плаката от общепитовской тарелки, искушая его рюмкой водки, протягивая её к середине стола. На что и получал незамедлительный и решительный отказ – «Нет!», сопровождаемый выразительным жестом ладони, останавливающим предложенную рюмку водки. Владислав Бё забрал из руки искусителя водку, вложив в неё толстенный каталог товаров гипермаркета, отливающий глянцем. А светловолосому герою взамен тарелки и вилки, исчезнувших со стола, предложено ничего не было. Навязчивого коммивояжера сетевых магазинов, в которого Бё переделал пьяницу, посаженный на голодную диету светловолосый останавливал тем же непреклонным жестом ладони, а надписи было придано несколько расширенное смысловое содержание – " Нет, только самоограничение!». Кирилл заплатил триста рублей и прошел в зал.

И только переступил порог, как замер от неожиданности, увидев немыслимое количество людей, заполонивших большое, размером с хороший спортзал, помещение. Но присмотревшись, понял в чем дело и усмехнулся на свой счет: «Застал он меня врасплох, ну что же, первый эффект достигнут, поглядим что будет дальше». Это были мужские, женские, детские манекены, которых он принял за живых людей. Для полной картины всего населения планеты, выпавшего всем своим составом на улицу, а это и демонстрировал Бё, не хватало ещё стариков. Это не было ущемлением по возрасту, дискриминацией – в отказе принимать всерьез количество потребляемых товаров людьми преклонного возраста по отношению к его глобальным масштабам. Но связано с большой проблемой раздобыть пожилых манекенов. Витрины модных бутиков, да и магазинчиков частных предпринимателей украшали пластиковые фигуры молодых, сильных, красивых. Взять их в аренду или скупить по дешевке некондиционный вариант с отломанными пальцами и отбитыми носами оказалось устроителям выставки по силам. Заказать же изготовление или собрать по музеям восковых фигур тех, кого тронула седина, лицо покрыли морщины, а кожа давно потеряла упругость и свежесть, не позволял опущенный фондом бюджет или урезанный в последний момент грант. И если этот промах, это упущение прошло незамеченным или на него попросту закрыли глаза, то, надо полагать, необходимое условие, под которое на проект выделялись деньги, – соблюдение толерантности и мультикультурности – было выполнено. Часть манекенов выкрасили в желтый и черный цвета. Манекенам желтого цвета, это бросалось в глаза, не везде добросовестно косметическим карандашом подвели глаза. А черным, как горячим утюгом, расплющили губы. Хотя все же был очевиден перекосяк в сторону бледнолицых. В одежде также соблюдался национальный колорит, но в строгой дозировке к доминирующей тенденции на открытость и раскрепощение. В руки вставили мобильные телефоны, беспрерывно стрекочущие, или квакающие экстрактом очередного шлягера. Таким образом, создавался музыкальный фон эпохи высоких технологий. Кирилл поскучнел: с названием выставки – всё ясно, понятно. С идеей – тоже, хотя, как показалось Кириллу, недостаточно четко сформулирована главная мысль. Но, пройдя в центр экспозиции, он изменил свое мнение. Катастрофа, нависшая над человечеством, была облечена в выразительную и в высшей степени оригинальную метафору.

Если у входа в зал предлагалась агитка малоизвестного автора, то исходным материалом, на котором автор развивал свою идею, строил композицию, служили общепризнанные шедевры. На табурете, накрытом серой тряпкой, сидел грузный немолодой мужчина с голым торсом, в атласных черных трусах, расшитых белыми лампасами. Судя по тому, как он опустил подбородок в согнутую кисть руки, упертую локтем в ногу, и уставился задумчивым взглядом в пол в поисках, пока никак не найденной им, дороги к разрешению истины – это был слепок с роденовского мыслителя, но изрядно располневший и в трусах. Напротив, на кубе, широко расставив ноги, восседал атлет в розовой майке и тоже в трусах, но в голубых. Здесь Бё предпочёл в фактуре и цвете соблюсти близость к оригиналу. Кирилл сразу понял, что этот угрюмый шкафоподобный мужик, похоже, что бывший штангист или отставной боксер, – атлет с картины Пикассо «Девочка на шаре». Но где же тогда хрупкое создание, балансирующее на шаре, символизирующее непрочность и скоропреходящность нашей жизни? Кирилл не находил ни шара, ни юной гимнастки. Но заметил юлу, валявшуюся рядом. «А что... может быть... совсем неплохо» – согласился он с этим смелым ходом по замене живописного материала второго плана картины на представленную в инсталляции юлу. Постояв немного, Кирилл стал из вежливости потихоньку пятиться к выходу, но был остановлен тревожным и недобрим взглядом Мыслителя. Мыслитель сухо кашлянул и пошевелился, скрипнув табуретом. Тут же встал атлет. Сделал шаг к юле. Поднял её. Поставил на пол и два раза надавил на рукоятку, утопив её в корпусе. Юла, или в данном случае – планета Земля, бешено закрутилась. Атлет сел на место и стал отрешенно смотреть в сторону. Опять скрипнул табурет – это встал Мыслитель. Быстро глянув на Кирилла, он взял с пола, похожий на ночную утку, сосуд с водой и подошел

к юле. Поднял над ней сосуд. Кирилл следом поднял глаза и увидел, блеснувшую стеклом, пипетку, свисающую на шнуре с потолка. Мыслитель набрал в пипетку из утки воды. Поставил сосуд на пол, и вернулся к пипетке. Он надавил на резиновый колпачок несколько раз, и капли с носика пипетки полетели на крутящуюся юлу. Кирилл разгадал метафору: вода в ночном сосуде – это, безусловно, бесконечное время Космоса. А капли из пипетки, падающие на крутящуюся юлу, – время, еще отпущенное Земле измученной цивилизацией. Капли могут быть и слезами о неизбежном конце. Юла отвалилась, безвольно качнувшись пару раз из стороны в сторону, и когда она замерла, Мыслитель, запрокинув лицо и закатив глаза, вдруг протяжно завыл. Кирилл, честно говоря, не ожидал такой экспрессивной концовки, и даже сочувственно вздохнул, – «Чтобы так выть, надо иметь комплекцию этого Мыслителя». Кириллу показалось, что даже манекены отключили мобильники и испуганно посмотрели на Мыслителя: «С чего это он?». Уже выходя из зала, Кирилл рассудил, что Мыслитель и есть сам Владислав Бё. Во-первых, из экономии, ну и конечно же этот взгляд, не позволивший Кириллу тихо уйти, сразу выдал кто есть кто. С нечто похожим он как-то столкнулся на концерте камерной музыки. Кирилл сидел тогда в первом ряду. Перед самым началом раздвинулся красный бархат занавеса и, попав под свет прожектора, высунулась желтая голова солиста. Он с той же злостью Мыслителя пробежал взглядом по головам немногочисленных зрителей, быстро прикидывая процент заполненности зала. Да и понятно, исполнять архисложное произведение или разыгрывать, как в сегодняшнем случае, этот апокалиптический спектакль в отсутствии зрителей, – бывает так невыносимо! Вот бедняга Бё и дожидается на своем табурете когда забредет какой-нибудь посетитель. «И что еще по этому поводу думает народ?» – скептически пожал Кирилл плечами и раскрыл увесистую книгу отзывов, лежащую на столике с одной ножкой, как библия на аналое. Был только один отзыв, и тот тщательно замазанный штрихом, видимо из-за своей нецензурности.

По аллеям гулял прохладный ветер. Моросил дождик. Качались высокие деревья. Кирилл натянул капюшон, застегнул молнию куртки доверху, и, проведя ладонью по намокшему лицу, ощутил как приятная свежесть растекается по щекам и лбу. Дождик царапал капюшон, ветер срывал с деревьев охапки листьев и грохотал железом крыш, но Кирилл испытывал внутренний комфорт: " Это современное веяние – тупиковый путь. Дорога в никуда. А он, Кирилл Воронов, на правильном пути, и всё у него будет хорошо».

9

Кирилл проснулся под утро. Ветер почти стих. Редкие крупные капли стучали по окну. Кирилл в полудреме поворочался, перевернулся на другой бок, закрыл глаза, но сон не возвращался. Тогда он стал прислушиваться к ритму капель, надеясь, что это убаюкает его. Ритм был разорванным. Капало с деревьев. Сон не возвращался. Что-то мешало вновь нырнуть в сладкие объятия Морфея. Кирилл отбросил одеяло и сел на диван. «Ах, вот оно что!» – почувствовал он легкий зуд в верхней части бедер, в промежности. «Комары?» – первое, что пришло в голову. Он почесался, встал с постели и внимательно осмотрел стены и потолок. «Но какие могут быть комары осенью, – дождь, ветер, да и под одеялом?!» – разозлился на себя и прервал бесперспективное разглядывание комнаты. Сел на стул, раздвинул ноги и стал рассматривать зудящие места. Такого он не ожидал – покраснела вся внутренняя часть бедер вокруг паха, кожа шелушилась, везде просматривались алые точки, как от укусов. «Надо же, в таком месте. И смех и грех!» – Кирилл в недоумении покачал головой. «Там – в избе! Оттуда и завез каких-то насекомых» – поставил он диагноз и, вывернув наизнанку одежду, встав на стул, принялся осматривать под лампой абажура швы. Ничего не нашел. Снял пододеяльник, стянул простыню... просмотрел всю постель. Тоже никаких там вшей, блох, и прочей живности. Он отнес белье в корзину для стирки и успокоился: «Ничего, – день-два и пройдет».

Но следующей ночью спал уже не более часа. В полночь проснулся. Чесотка между ног становилась невыносимой. С остервенением почесался и посмотрел – покраснение увеличилось. Точки от укусов вздулись и пожелтели. Весь день все мысли были только об этом. Пробовал сочинять, – да куда там! Отшвырнул тетрадь, бросил на пол ручку.

Ночью заснуть не удалось ни на минуту. Казалось, что чесалось всё тело, – глаза, уши, губы, пальцы. Что этот невыносимый зуд проникает внутрь. Свербит в костях и чесотка носится по телу с кровью. Он заскулил от отчаяния. Чесался, чесался, чесался. С трудом дожидаясь утра, каждые пять минут глядел на часы, выгоняя остановившееся время из циферблата. Темным утром поехал в поликлинику.

Врач натянул на руки тонкие полиэтиленовые перчатки, пошевелил пальцами и, немного отстраняясь в сторону, стал разглядывать очаг поражения, подвигая Кирилла к свету лампы, вытянутой на штативе. «Ну всё, одевайтесь» – скомандовал он, стянул перчатки, бросил их в ведро и пошел к раковине мыть руки.

«В Турции, Египте на лежаках загорали?» – обернулся и посмотрел Кириллу в лоб. В глазах врача Кирилл прочитал насмешку. «Не был я ни в каких турциях и египтах». " А где загорали, – в Сочи?» – продолжал он смотреть поверх глаз Кирилла.

«Да нигде я не загорал!» – возмущенно выпалил Кирилл. «И в Сочи не были, ай-ай-ай, – как же вы так? Ну а в баню ходите?» – сел он за стол и, уткнув в бумаги блестящее, еще и от яркой лампы, гладко выбритое лицо, начал быстро писать. «В бане был» – сознался Кирилл, но не почувствовал себя виноватым. «Грибок, – оторвался от бумаг врач, отодвинул лампу и посмотрел карими глазами, с белками стерильной чистоты, как его медицинский халат, на болящее место Кирилла, – грибковое заболевание. Ничего страшного, но лечится иногда долго. И не всегда до конца».

Кирилл как обдало ушатом ледяной воды. «В бане был» – повторил он безвольно и растерянно присел на стул.

«Всё понятно. Вот я вам мазь прописал. Не поможет – назначим другое» – поднялся он из-за стола и с рецептом подошел к Кириллу. «Да вы не бойтесь, – увидев смятенный взгляд пациента, усмехаясь, добавил он – все эти дела интимные, там семейные, или еще какие, делайте, не заразите».

Кирилл ехал назад в полупустом троллейбусе. Ехал долго. А в голове вертелось одно и то же. «Вот она баня, каким боком вышла. Неспроста всё это. Такое дело, – можно сказать, замахнулся на заоблачные выси, божественное вдохновение призвал, а тут на тебе – банька, парная. Так оно и получается: как идешь тропой горней, в тайну тайн пытаешься заглянуть, на пути тобой избранном бесы разные тебя караулят, рядом трутся, ждут, когда неверный шаг сделаешь, поддашься их искушениям. Неспроста фургон этот тормознул. Ремонтники эти: Вовка с Брюсом Уиллисом. Напустили заразу. Порчу навели. Недаром и карты пиковые выпали. Предупреждение было, а он не услышал, глух оказался». Кирилл воровато посмотрел по сторонам, – чтоб никто не увидел, – и быстро почесался. «Хотя, если уже по-другому рассуждать – сам во всем и виноват. В баньку захотел. Расслабиться решил. Аккуратнее надо в местах общего пользования. Не маленький. Ну ладно, как сказал этот стерильный, – должно пройти. Могло быть хуже. Еще бы чего случилось. Впредь надо быть осторожнее».

А хуже и случилось. Одну ночь он спал час. Вторую промучился совсем без сна. Но вот теперь, на третью, растерев прохладную пахучую мазь между ног, приготовился отоспаться за все дни. Но не тут-то было. Чесотка почти не тревожила, но дикое напряжение, накопившееся за эти нервные дни, не давало отключиться. Голова гудела, как электрощитовая, а волны энергии перекачивались по всему телу, как будто проверяя его, Кирилла, на прочность, ища зацепки, малейшего повода, чтобы прорваться наружу и вынести с собой и весь его, Кирилла, внутренний мир на растерзания окружающим его обстоятельствам. Так и промаялся всю ночь. Вставал с постели, ходил по комнате, выглядывал в окно, пробовал отвлечься чте-

нием, но тщетно. Таблетки тоже не имели никакого действия. Утром в оглушенном состоянии, обессиленный и заторможенный, пошел в ванную. Умылся холодной водой, и глянул в зеркало, закрепленное над раковиной. Осунулся, щеки запали, темные круги под глазами. Провел ладонью по небритому лицу. Решил побриться. А то видок, как из психушки. Шикнул баллончиком. Густо накрутил на лицо пену. Остались одни глаза. Окунул бритву в стаканчик с теплой водой и, надув щеку, провел бритвой от уха до подбородка. Побрился с удовольствием. Немного успокоился, показалось, что напряжение отлегло. Посмотрел в зеркало. Что-то мелькнуло знакомое. Еще раз посмотрел в зеркало. Его как кольнуло, кольнуло до самых основ! И лучше б не смотрел, сейчас не смотрел! А вышел, не глядя, из ванной. Его обожгла мысль. Как будто прожгла череп, как картонную коробку. «Похож!». На него смотрело лицо того врача из поликлиники. Кирилл дернулся назад, потом опять метнулся к зеркалу. «Похож!». В него вглядывался врач с карими глазами. «Похож!». «Вот, зараза! – вслух ругнулся Кирилл – прицепился ко мне, не отделаться. Уж лучше б всплыл Брюс Уиллис, он далеко, а этот, продезинфицированный, рядом, несколько трамвайных остановок». И от этой мысли, что он так всерьез подумал, стало еще страшнее. Он вышел из ванной, выключил свет. « Впредь в ванную – без света, чтоб никаких там физиономий, похожих». " Может и есть сходство, а я так струхнул?» – пытался Кирилл успокоить себя, найти объяснение. Но это не сработало. Это, как говорят, – «мертвому припарки». А Кирилл в понимании душевного здоровья и был если не мертв, то около того. Его пропало насквозь, и психика начинала распадаться. Он это явственно ощутил, ощутил до последней своей молекулы, до каждой своей буквы, запятой, точки. И какие еще колена будет выбрасывать воспаленный мозг? Впору кричать караул. Но Кирилл сцепил зубы. Он понял причину. А это были последствия. Пришло время платить по всем счетам. И чем всё закончиться и закончиться ли теперь вообще когда-нибудь этот кошмар – ничего об этом не известно. Будущее – во тьме. Без каких либо проблесков надежды. А выберется ли он из этой западни или его свезут в известное заведение? Никто, никто не знает.

А всё это – Её Величество Поэзия, весь этот горячий материал, накопленный десятилетиями. Разврат воображения. Каждый раз настойчиво просящийся на бумагу. Не успел Кирилл заземлить разрушительную космическую энергию, запустить её спиралью слов. До конца слить спасительными предложениями. Зафиксировать. Остановить. Умиротворить. Надо было успеть. Еще какая-нибудь неделя. Всего неделя. Эта проклятая баня, чертов грибок... Такая, в сущности, мелочь, укол булавки – а равновесие, и так с трудом удерживаемое им, нарушено, и он летит во мрак безумия, превращая образы в реальность, а реальность в представления. Вообще-то, всё гораздо сложнее. Разобраться с этим не могут, если следовать теории эволюции, с того времени, как некое волосатое существо встало с четверенок и осознало себя человеком. До сих пор нет ясности. Но у Кирилла тут свой шкурный интерес: он терял над собой контроль, терял, как теперь говорят, адекватность. Почва уходила из-под ног, и он рисковал навсегда зависнуть в своем фантазмагорическом воздушном пространстве, трактуемом, крепко стоящим на этой почве обществом, как помешательство. На повестке дня только один вопрос: вопрос его спасения.

10

Кирилл испуганно, бочком, прошел по коридору в свою комнату, закрыл на щеколду дверь и рухнул на диван. Накрылся одеялом с головой и постарался ни о чем не думать. Давить в корне всякий зародыш мысли. Безжалостно стирать самые робкие наброски образа. Никаких чувств. Только голая абстракция. Мыльный пузырь бессмыслицы. Душеспасительные молитвы, героические цитаты из вестернов или сентенции стойков, – не годились. Они таили в себе разрушительную опасность перехода в свою противоположность. В доли секунды меняли знак. Крепкое, налитое румянцем яблоко тут же начинали точить осклизлые черви.

Только линия, только ритм. «И притопну расторопно, и притопну расторопно» – стучал он пяткой по спинке дивана. И если бы кто-нибудь наблюдал эту сцену со стороны, то поспешил бы исчезнуть из комнаты или... обратиться в соответствующее заведение за помощью больному. Но со стороны был только он сам себе. Как будто немного отпустило.

Но тут, как специально, ожила отопительная система. По трубам и радиаторам что-то пробежало и упало. Застучало. Зашипело. Забулькало. В дом дали тепло.

Кирилла так и подбросило: «По батареям пустили кровь!».

Он вскочил с дивана и бросился к батарее, схватил её, как девушку за коленку – и отдернул руку. Батарея была горячей.

«Кипящая кровь!» Здесь стоит на минуту остановиться, отойти от разгоряченной системы и прояснить природу Кирилловых страхов. Кирилл находился в том состоянии душевного расстройствa, раздвоении личности, когда его, еще пока здоровая, критически мыслящая половина, получая от другой, насмерть перепуганной, разъедающие импульсы страха, – живо представляла все трагические последствия для себя, то есть для личности Кирилла, с которой она себе всецело отождествляла. Что, когда она окончательно потеряет себя, и поверит в этот бред, действительно, на полном серьезе начнет так считать, сольется воедино с этим ужасом, то ему, Кириллу, или ей, его, Кирилла, составляющей, – настанет конец.

Нет! – оставаться в этих четырех стенах невыносимо – скорей на улицу, на свежий воздух! Идти, идти и идти!

Было еще совсем темно. Кирилл быстро пошел дворами. Мерцали синеватым светом немые плафоны над парадными. С трудом открывались разбухшие от сырости форточки. Взрывались и тут же сдыхали сирены сигнализаций. Заводились машины. Слышно было как по соседней дорожке торопится, наверно на смену, «ранняя пташка». Город только-только просыпался. Он дошел до дороги и остановился. Горел красный свет. Но вот, – бегущий зеленый человек на светофоре открыл пешеходам дорогу. «Тьфу, ты! – Кирилл с досады сплюнул – будь он проклят, попался!».

Зеленый человек цепанул его. Спрыгнет со светофора на свои палочки-ножки, замашет в такт ходьбе тонкими ручками и будет преследовать. Везде: на пустых темных улицах, перебегая от дерева к дереву, как шпион; в освещенных многолюдных магазинах, незаметно проходя контрольные вертушки у входа; – не дай бог еще проберется в квартиру.

Кирилл развернулся на полдороге, поднял воротник, ссутулился и припустил назад. Выход на улицу не удался. ДОма, прежде чем зажечь свет, плотно задвинул шторы. ДОма оказалось спокойнее. «Надо поесть, и побольше, побольше, – чтобы кровь отхлынула к желудку» – двигал он посуду в шкафчике, вытягивая пачку макарон из-за пустых банок. Набрал доверху кастрюлю воды, включил на полную газ, разорвал пачку, и ломал, ломал макароны, как бы он в другой раз улыбнулся пришедшему сравнению – «как органые трубы». Но – не сейчас. Сейчас, – только еда, только макароны, и никаких там ассоциаций. Пока варились макароны с сосисками, пошел в комнату и сел ждать. На глаза попала синяя тетрадь. Кирилл вскочил, его затрясло. «Вот, вот где собран весь яд! За книги её! И чтобы ни слуху ни духу, ни краем глаза не видно!». И он молниеносно, как прокаженную, а еще не так давно – это свое самое сокровище, засунул тетрадь за плотный ряд книг на полке. Корешком её воткнул, чтобы даже и не высывалась.

Проколота вилкой сосиска брызнула. Кирилл облизнул потекший по пальцам сок, очень проголодался, понял только сейчас, – и откусил полсосиски. Ел быстро. Возил макароны вилкой по тарелке в подтаявшем куске масла и, оставляя жир на подбородке, ловко забрасывал их в рот. Жевал, глотал. Жевал, глотал. Вкус доходил с опозданием. Можно сказать, жрал. Пока не тюкнуло очередное открытие – «говяжьи сосиски!» – кус встал поперек горла, и он чуть не подавился. «Он ест забитую на скотобойне и разделанную тушу коровы, или бычка!». Бросил вилку. Отвернулся. Его охватило тягостное чувство, в глазах потемнело, он беспомощно

опустил голову: " Эти ферменты коровы или бычка пропитают его плоть, вступят в реакцию с кислотами и белками его мозга и он будет как вавилонский царь Навуходоносор. Отрастут рога, встанет на локти и колени и начнет щипать траву».

«Мясо больше не ем!». " И рыбу тоже! Чешуёй покроюсь, плавник, как парус, раскроется на спине!» – вскочил и заходил, как неприкаянный, по кухне. «А потом дойдет и до макарон с хлебом, обязательно что-нибудь выскочит. Сдохну от голода» – бил он себя по самым уязвимым точкам. «Ни о чем не думать, ни о чем не думать – надорванным голосом вбивал себе в голову, как заклинание, – сосиска – это сосиска, макароны – это макароны». И тут его надоумило: " Женщину надо, застоялась энергия. Выхода нет. Слить её. Не касался женщины столько времени, с лета, энергию для сублимации накапливал». И он, вспомнив про объявление на столбе у остановки, обратил как-то, прогуливаясь, внимание, – стал спешно одеваться.

«Холодильник – это холодильник» – достал он из коробочки на холодильнике старомодные пыльные очки под цвет йода, протер стекла и надел. Натянул на уши шапочку «Петушок». Застегнул куртку. Всё сделал, чтобы не узнали, чтобы проскочить незамеченным.

Соседка, Баба Катя, выходя с кошелкой из квартиры напротив, увидев Кирилла, бросилась назад, с несвойственной ей проворностью захлопнув дверь. «Боятся – это хорошо. Пусть боятся. Меньше глаза мозолить будут». На улице посветлело. Он пошел наперерез, по газонам.

«Столб – это столб» – подошел он к столбу, обклеенному объявлениями. Отыскал розовое. «Несерьезные знакомства. 24 часа. Таня». И, оглянувшись, оторвал, шелестящую на ветру, последнюю бумажную полоску с номером телефона.

Перед дверью Кирилл снял очки, снял шапку, рассовал по карманам; взлохматил, а затем пригладил волосы – и позвонил.

Ему открыла полная женщина в облегающем белом свитере и в черной юбке ниже колен. Её длинные фиолетовые волосы, схваченные перламутром заколок над бровями, переливались металликом. Она оценивающим взглядом посмотрела в глаза Кириллу и сказала: " Деньги вперед, или – до свидания». Маленькие уши, за которые были убраны волосы; короткая шея, и выщипанные брови, грубо восстановленные черной краской, сразу вызвали у Кирилла острое чувство неприязни. А сходу выставленное условие – здесь ни при чем. Не его типаж. Он захотел немедленно уйти, и ушел бы другим случаем, но переборол себя, пересилил – «не к невесте же приехал, лирику в сторону; пришел, сделал дело, ушел». " Конечно... не волнуйтесь» – застыл он на пороге, расстегнул молнию куртки и полез во внутренний карман.

«Да вы, проходите, проходите – снисходительно улыбнулась фиолетовая Таня и пухлой рукой мягко остановила за запястье порыв Кирилла – не тут же будем рассчитывать».

Она не вызвала никаких чувств, никаких эмоций. И не понятно с чего должен был шевельнуться чертик желания. Когда Кирилл прошел в комнату, обставленную полированной мебелью семидесятых годов прошлого столетия, ему вдруг вспомнилось, как школьником, готовящимся в вуз, ходил к репетитору по неорганической химии, сорокалетней женщине, с такой вот грудью, обтянутой «водолазкой», такой же большущей, как будто под «водолазку» засунули стул. Но волосы у репетиторши были собраны в кичку или, может быть, висели жидкими колечками кудряшек, таких тонкостей помнить он не мог. А если и были выкрашены, то, конечно же, только хной.

«Включить музыку?» – спросила Таня, когда они сели рядом на кушетку.

«Не знаю, как хочешь» – ответил Кирилл и стал смотреть по сторонам. «Ты чего такой тихий, задумчивый, – как в библиотеке?» – подвинулась она ближе и положила руку Кириллу на коленку. Кирилл напрягся и стряхнул с брючины невидимую соринку. «А я знаю, от тебя жена ушла?» – нежно погладила она Кирилла по коленке и стала пробираться рукой вверх по складке.

«Или ты застукал их? Ну скажи, застукал?» – сдавила она пальцами

бедро Кирилла. «Нет, никого я не застучал» – выдавил из себя Кирилл и отстранился. «Я тебе не нравлюсь?» – с напускной обидой надула она губки. А Кириллу слышалось совсем другое – «Ты что, опять не выучил урок?».

«Ну ладно, как хочешь, мне-то всё равно, время играет на меня» – с этими словами Таня встала, подошла к зеркальному шкафу, открыла дверцу и спряталась за ней. «Сейчас, переоденусь» – стояла она за дверцей на одной ноге. Вместе с зеркалом поехали в сторону стулья, и выплыла половина стола. Кирилл тупо смотрел в одну точку – на лодыжку Тани и облупленные ножки стульев, отраженные в зеркале. «Перед тем, как мыть полы, следует ставить стулья ножками вверх на кушетку, чтобы не портить дорогую мебель» – вот как далеко, далеко уносился в своих мыслях Кирилл. Пахло резкими духами. И еще чем-то неприятным, чужим. Предыдущим клиентом.

«А у меня пупок проколот, хочешь увидеть?» – переодетая в короткий зеленый халатик с двумя большими медными пуговицами, Таня стояла на коленях, вполоборота к Кириллу, на широком ковре, расстеленном по полу, в полуспущенных чулках мучного цвета. Не дождавись Кирилловой реакции, повернула к нему голову и с требовательной интонацией сказала: " Ну, давай же, раздень меня!».

Кровь прихлынула к голове Кирилла, в висках застучало: " Жаба! Старая жаба, ждущая совокуплений!». Его затрясло от страха и возбуждения: " И опять я за свое, опять чудовища лезут, уйти, уйти как можно скорее отсюда!». Но взял он себя в руки, встал с кушетки и, остановив охватившую его панику, внутренним голосом приказал себе: «Делай – за чем сюда пришел, – и не думай. Таня – это Таня». И извлек из заднего кармана брюк заклеенный пакетик, сквозь тонкую бумагу которого просвечивала лунка презерватива.

Домой ехал в метро. Тело было свинцовым. А в голове гуляли электрические разряды. Затея по сливу накопившейся энергии – провалилась. Слитая энергия восстанавливалась тут же. Переселись в публичный дом – все равно не спасет. Дело совсем не в этом. Не в энергии, а в сигнале, направляющем её не в ту сторону. И брался этот сигнал, как Кирилл рассудил, из мозговой извилины, из одного подпорченного электрона, протона, в котором образовалось темное пятнышко, через которое он и смотрел на весь мир. И как до него добраться, и стереть? Он с завистью наблюдал за мужчиной, сидевшим напротив. Тот, откинув голову на стекло вагона, раскрыв рот, похрапывал. «Мне бы заснуть. Хотя бы на час, на несколько минут. Пока еще держусь, но сколько еще протяну? Сорвет с катушек – и всё, – мрак бесповоротный».

11

Сложившись, ступеньки эскалатора выбросили Кирилла на мраморный пол станции. Подсвеченная снизу прожекторами высилась всё та же неизменная рабоче-крестьянская скульптурная группа. Кирилл нагнулся заправить шнурок ботинка за петельку, и когда заправил и стал разгибаться, – тут же и присел, и выкатил глаза от того что увидел: широкоплечий сталевар с кочергой прыгнул с постамента и злым взглядом обвел ротонду. Шахтер, держа отбойный молоток на плече, с недовольной гримасой, сучил ногами, отдирая подошвы своих могучих ботинок от плиты. А колхозница, положив колосья на пол, поправляла юбку. Она уже слезла с каменной сцены. У одномоторного самолета, похожего на акулу, закрутился пропеллер, как бешеный волчок. Нос самолета подался вперед, стена натянулась, как остывший кисель, посыпалась штукатурка, повисла в воздухе пыль, – но самолет не взлетел, не вырвался из стены. Мотор стих, – лопасти еще крутанулись, а затем остановились. Качнулись. Замерли. У Кирилла от пропеллера зарябило в глазах.

Он надел очки, и пулей вылетел из павильона метро. «Скорей домой. Никуда больше!». Но не успел пройти шеренгу киосков, как сзади раздался треск и шум. Он невольно обернулся. Скульптурная троица своими мощными телами вынесла остекленный выход, разбив и смяв

конструкцию. Они стояли у ограждающих проход в метро перил и крутили головами, кого-то искали. «Меня ищут!» – догадался Кирилл. Так оно и было. Колхозница, увидев Кирилла, и, нечленораздельно вскрикнув, пальцем указала на него. Её товарищи отозвались одобрителем рёвом и все вместе направились к Кириллу. Неотвратимой фалангой. Сталевар. Шахтер. Колхозница. Кирилл быстрым, быстрым шагом пошел прочь. Всё время оборачивался, держал преследователей в поле зрения. Проходя мимо киосков, Сталевар подбросил кочергу и, перехватив её как копьё, стал бить острием по стеклам. Стекла хлопали и сыпались. Шахтер и Колхозница загоготали. «Изверги!» – прошептал Кирилл и еще ускорился. И тут Кирилл услышал крик. Знакомый ему крик. Плачь ребенка. Кирилл поднял глаза и увидел, как над ним кружит большая черная птица. Ворон! Его старый знакомый, из леса. Кирилл побежал трусцой. Ворон нырнул следом, перейдя с жалостливых всхлипов на гортанное карканье, похоже он изрыгал ругательства в адрес Кирилла. Кирилл со всего маху налетел на встречного прохожего. Чуть не сбил с ног. Бедняга уронил шляпу. Вообще, люди делали вид, что ничего не происходит, или – они ничего такого из ряда вон выходящего не видят. Они или в действительности ничего не видели, всего этого безобразия, так были сосредоточены на своем, или только делали вид что не видят? Кирилл поднял шляпу и протянул её с извинениями: " Мол, не специально я, вы же видите, что здесь творится?" – описал он рукой полукруг, повернувшись в сторону метро. Прохожий вырвал шляпу из рук Кирилла, сказал ему в лицо какую-то гадость, и удалился. Кирилл еще раз, уже пустому месту, извинился, и побежал. Что-то рассекло воздух и прожужжало у самого уха. Пуля! Это была пуля! Кирилл пригнул голову. Он услышал стрельбу. Двое полицейских, дежуривших у входа в метро, заподозрив неладное, пошли следом. Не увидев реакции на их окрик: «Стоять, всем стоять, будем стрелять!», – один из них, который пониже, открыл стрельбу. Ворон кувыркнулся. Пролетел. Еще раз кувыркнулся и полетел ниже. Его задела пуля. Раскрыв и опустив подбитое крыло, как бы заковывлял по воздуху. Пули продолжали жужжать. С дерева упала отбитая ветка. И вот кто-то из этих нЕлюдей заорал, нет – скорее зарычал! Пуля нашла кого-то из этой компании. Больше Кирилл не оборачивался, он неся во всю прыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.